МИХАИЛЪ,

МИТРОПОЛИТЪ СЕРБСКІЙ.

(1826—1898 г.).

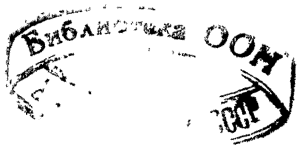
Священника Ѳ. И. Титова.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира.
Н Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица д. № 4.

1898.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“, за 1898 г.



429
37

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ МИХАИЛЪ
АРХІЕПИСКОПЪ БѢЛГРАДСКІЙ,
МИТРОПОЛИТЪ СЕРБСКІЙ.

(19 августа 1826 г.—5 февраля 1898 г.).

Его жизнь и дѣятельность.

5-го февраля 1898 года неожиданно скончался преосв. Михаилъ, архіепископъ бѣлградскій, митрополитъ сербскій.

Въ лицѣ почявшаго Архипастыря, безъ преувеличенія говоря, весь славянскій православный міръ понесъ великую и тяжкую утрату, сербскій народъ лишился въ немъ своего выдающагося и типичнаго представителя, Россія потеряла въ немъ своего вѣрнаго, преданнаго и убѣжденнаго друга.

Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности почившаго Архипастыря.

I.

Жизнь преосв. Михаила.

Митрополитъ Михаилъ,—въ мірѣ Милой Іоанновичъ [1]),—родился 19 августа 1826 года. Какъ видно изъ паспорта, съ которымъ Милой Іоанновичъ прибылъ въ Россію лѣтомъ въ

---

[1]) Именемъ „Милой“, а не „Милое“, какъ пишется во всѣхъ появившихся некрологахъ преосв. Михаила, называется этотъ послѣдній во всѣхъ документальныхъ бумагахъ, какія пришлось намъ пересмотрѣть въ архивѣ Кіевской духовной Академіи, до принятія имъ монашества. Позволительно, кажется, будетъ замѣтить здѣсь, что въ сербской православной церкви какъ прежде, такъ и теперь, при крещеніи дѣтей, этимъ послѣднимъ нерѣдко даются имена чисто народныя, значеніе которыхъ выражаетъ большею частію внутреннее сердечное настроеніе, напр., радость, или ожиданіе родителей дитяти. Мірское имя м. Михаила означало: доброе, милое дитя. Когда покойный учился въ Кіевской духовной Академіи, то русскіе товарищи день именинъ его пріурочивали къ 28 сентября, когда празднуется память ангела, имя котораго греческое соотвѣтствуетъ сербскому или славянскому „Милой“.

1846 г., онъ былъ сынъ „художника Милована“ (въ нѣкоторыхъ печатныхъ жизнеописаніяхъ преосв. Михаила, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, Милованъ Іоанновичъ называется „ремесленникомъ“), жившаго въ мѣстечкѣ Бани, александрійскаго округа, банскаго уѣзда, тимочской епархіи, расположенномъ въ прекрасной мѣстности, у подножія горы Озрена, въ виду гордаго и высокаго Ртня на рѣкѣ Моравицѣ. Родители Милоя Іоанновича были люди небогатые, при чемъ мать его—Марія происходила изъ духовнаго званія и была дочь „попа“ Риста изъ с. Торговицы изъ-подъ Ртня.

Первоначальное воспитаніе Милой Іоанновичъ получилъ, по всей вѣроятности, подъ руководствомъ своихъ родителей, а школьное образованіе началъ, когда ему исполнилось 9 лѣтъ, въ 1835 г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ былъ опредѣленъ въ городское Баньское училище, гдѣ оставался три года. Отсюда онъ былъ переведенъ въ Зайгорское городское училище, въ которомъ и закончилъ съ наилучшимъ успѣхомъ курсъ первоначальнаго своего образованія. По выходѣ изъ городскаго училища, Милой Іоанновичъ поступилъ въ гимназію сначала въ Зайгорскую и потомъ въ Неготинскую, гдѣ онъ учился подъ руководствомъ извѣстнаго неготинскаго епископа Досиѳея. По окончаніи гимназическаго курса, въ 1842 г. Милой Іоанновичъ поступилъ въ Бѣлградскую духовную семинарію, гдѣ, послѣ четырехлѣтняго обученія, окончилъ курсъ въ 1846 г. „превосходно — первымъ“ не только по успѣхамъ въ наукахъ, но и по поведенію.

Однакоже и на этомъ не остановилось образованіе даровитаго молодаго человѣка. Въ то время въ Сербіи было уже довольно развито національное самосознаніе. Здѣсь образовался къ тому времени кружокъ патріотовъ, которые незамѣтно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неутомимо подготовляли возрожденіе самостоятельности сербскаго народа. Къ чести ихъ должно сказать, что они для этого избрали самый вѣрный

путь, который видѣли въ возвышеніи духовнаго просвѣщенія сербскаго народа. Однимъ изъ способовъ къ возвышенію народнаго образованія было избрано ими отправленіе молодыхъ способныхъ сербскихъ людей за-границу для довершенія тамъ ими своего образованія. Это желаніе лучшихъ людей сербскаго народа раздѣляло и само правительство, которое содѣйствовало отправленію молодыхъ сербовъ преимущественно, впрочемъ, въ центры западно-европейскаго высшаго образованія.

Во главѣ сербской церкви стоялъ тогда м. Петръ, который, съ своей стороны, признавалъ необходимость основательнаго научнаго образованія для сербской молодежи, готовившейся къ прохожденію церковнаго служенія. Какъ и естественно, единственною страною, гдѣ сербскіе юноши, готовившіеся на служеніе церкви, могли получать подобное образованіе, была въ глазахъ м. Петра единоплеменная и единовѣрная Россія. Поэтому, м. Петръ началъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о разрѣшеніи сербскимъ молодымъ людямъ пріѣзжать въ Россію для довершенія своего образованія въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Ходатайство его было уважено и лѣтомъ 1846 г. прибыла въ Россію, именно въ Кіевъ, первая группа изъ шести молодыхъ сербовъ: Милоя Іоанновича, Саввы Сретсковича, Милосава Протича, Василія Николаевича, Димитрія Нешича и Гавріила Меличевича. Всѣ они тогда же поступили для образованія въ Кіевскую духовную семинарію [1]).

Милою Іоанновичу въ это время было только 20 лѣтъ. Не смотря однакоже на столь юные годы свои, онъ уже тогда обладалъ яснымъ самосознаніемъ, здравою мыслію и значительною рѣшимостію воли. По всему видно, что онъ ясно и совершенно правильно опредѣлялъ для себя цѣль своего пріі-

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Академіи по Внутр. Правленію за 1854 г. дѣло № 28. Вообще всѣ свѣдѣнія наши о событіяхъ въ жизни м. Михаила за время его обученія въ Кіевѣ заимствованы нами изъ дѣлъ академическаго архива.

ѣзда въ братскую Россію, въ чемъ онъ, безъ сомнѣнія, можетъ служить лучшимъ образцомъ для подражанія всѣмъ южнымъ славянамъ, ежегодно прибывающимъ въ Россію для довершенія здѣсь своего образованія. По прибытіи въ Кіевъ и поступленіи въ здѣшнюю семинарію, Милой Іоанновичъ записалъ въ свой дневникъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, которыя, очевидно, были напередъ хорошо имъ продуманы и сознаны, какъ программа всей будущей его дѣятельности. „Не забывай никогда", — писалъ онъ,—„ни на одно мгновеніе, для чего оставилъ ты свою родину и прибылъ сюда! Знай, что не для того ты здѣсь, чтобы пользоваться удовольствіями жизни, но чтобы денно и нощно трудиться и пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній, въ которыхъ твоя родина крайне нуждается! Помни, что въ твоемъ отечествѣ есть еще турки, которые мѣшаютъ его развитію, и что швабы (австрійскіе нѣмцы) задерживаютъ всячески его ростъ! О, злополучный народъ сербскій! Неужели такова твоя несчастная судьба, что ты, горемычный, безжалостно расчлененъ? Итакъ",—обращаясь къ себѣ, писалъ далѣе молодой патріотъ,—„блюди себя и помни, что въ Сербіи—очагъ, который долженъ грѣть просвѣщеніемъ всѣ сербскія страны. Старайся, чтобы современемъ и ты могъ быть сколько нибудь полезенъ своему дорогому и любимому народу".—Слова эти были руководительнымъ правиломъ для писавшаго ихъ не только во время школьнаго обученія, но также и во всей послѣдующей его жизни и дѣятельности, которая, безъ преувеличенія можно сказать, была непрерывнымъ подвигомъ самоотверженнаго служенія на пользу сербскаго народа.

Но возвратимся къ почившему архипастырю и послѣдуемъ за нимъ въ его дальнѣйшей жизни. Какъ сказано уже, по пріѣздѣ въ Кіевъ, Милой Іоанновичъ поступилъ въ здѣшнюю духовную семинарію, въ которой и обучался 3 года (1846—1849 г.). Молодой, трудолюбивый юноша, вѣроятно, заботами м. Петра сербскаго, былъ порученъ особенному

надзору и руководству, между прочимъ, одного изъ членовъ семинарской корпораціи—профессору семинаріи Думитрашкову. Подъ руководствомъ этого послѣдняго, молодой юноша съ успѣхомъ проходилъ поприще семинарскаго образованія, причемъ особенное вниманіе обращалъ на возможно лучшее усвоеніе русскаго языка, которымъ онъ, дѣйствительно, овладѣлъ такъ хорошо, что и въ теченіе всей своей послѣдующей жизни пользовался имъ и теоретически и практически вполнѣ свободно.

Нельзя здѣсь умолчать объ одномъ, повидимому, неважномъ, но въ дѣйствительности хорошо характеризующемъ покойнаго архипастыря, какъ человѣка, обстоятельствѣ. М. Михаилъ навсегда сохранилъ самыя добрыя чувства въ отношеніи къ своему бывшему воспитателю Думитрашкову, а, по смерти этого послѣдняго, свое сердечно-сочувственное отношеніе къ нему перенесъ на его семейство. Всегда, когда м. Михаилъ бывалъ въ Кіевѣ, онъ считалъ своимъ долгомъ посѣтить своего бывшаго учителя и руководителя, до конца жизни онъ интересовался судьбою дѣтей его и всегда хранилъ о немъ доброе воспоминаніе. Рѣдкая, достойная уваженія черта въ характерѣ почившаго Архипастыря!

О сравнительно успѣшномъ прохожденіи Милоемъ Іоанновичемъ семинарскаго курса свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ въ 1849 г. былъ удостоенъ за свои хорошіе успѣхи званія студента семинаріи. Сербскій митрополитъ Петръ тогда же возбудилъ ходатайство предъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода о принятіи Милоя Іоанновича въ Кіевскую Академію для полученія въ ней высшаго образованія. Св. Синодъ, по предложенію оберъ-прокурора графа Пратасова, принявъ во вниманіе, что „опредѣленіе сербскихъ юношей послѣдовало въ свое время съ цѣлію поддержанія православія въ тамошнемъ краѣ, и что потому предоставленіе способнѣйшимъ изъ этихъ юношей возможности получить высшее духовное образованіе можетъ болѣе споспѣ-

шествовать достиженію означенной цѣли, опредѣленіемъ своимъ $\frac{26 \text{ іюля}}{13 \text{ сентября}}$ 1849 г. постановилъ: изъ окончившихъ семинарскій курсъ четырехъ сербовъ двухъ, именно: Милоя Іоанновича и Василія Николаевича, согласно ходатайству преосвященнаго митрополита сербскаго Петра, помѣстить въ Кіевскую духовную Академію на полное казенное содержаніе".

Независимо отъ такого опредѣленія Св. Синода, Милой Іоанновичъ еще нѣсколько прежде, въ августѣ 1849 г. держалъ пріемный экзаменъ въ Академію на ряду со всѣми другими семинарскими студентами и по экзамену былъ принятъ въ составъ XVI курса студентовъ Кіевской духовной Академіи (1849—1353 г.). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ то время иностраннымъ студентамъ, въ частности, южно-славянскимъ въ Академіи не дѣлалось послабленія, или снисхожденія, какія съ теченіемъ времени вошли въ обыкновеніе. Иностранные студенты обязаны были тогда выполнять всѣ требованія академическаго устава на-равнѣ со всѣми русскими студентами. Студентъ Милой Іоанновичъ, по воспоминаніямъ о немъ одного изъ младшихъ сочениковъ его, былъ однимъ изъ самыхъ исправныхъ, исполнительныхъ и трудолюбивыхъ воспитанниковъ Академіи. Среди товарищей своихъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ, благодаря своему кроткому, тихому и мирному характеру. Онъ былъ довольно застѣнчивъ и отличался особенною деликатностію и благородствомъ въ обращеніи съ другими.

Благодаря трудолюбію и природнымъ своимъ дарованіямъ, Милой Іоанновичъ учился въ Академіи постоянно очень хорошо и потому, при выпускѣ, безъ всякаго снисхожденія со стороны начальства, былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія. Краснорѣчивымъ выраженіемъ основательности пріобрѣтенныхъ имъ въ Кіевской Академіи богословскихъ знаній и прочнаго усвоенія духа истиннаго православія служитъ множество написанныхъ имъ впослѣдствіи бого-

словскихъ и духовно-назидательныхъ сочиненій, равно какъ о томъ же говоритъ и вся практическая его дѣятельность на пользу и въ защиту православія и неприкосновенности правъ отечественной церкви. Несомнѣнно, что годы образованія м. Михаила были золотымъ временемъ въ исторіи нашей Академіи, когда въ ней блистали благочестіемъ и ученостію такіе мужи, какъ архимандриты Димитрій, Антоній, іеромонахъ Іоанникій (нынѣ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій), Филаретъ и другіе, а надъ всѣми ними царилъ и постоянно бодрствовалъ благочестивый духъ и руководство митрополита Филарета, старавшагося насадить и утвердить въ Академіи духъ благочестія. Въ постоянномъ общеніи съ такими руководителями академической жизни окрѣпъ духъ почившаго архипастыря. Безъ сомнѣнія, не какъ мимолетную фразу, а именно какъ свое глубокое убѣжденіе высказывалъ митрополитъ Михаилъ, когда впослѣдствіи, 28 сентября 1869г благодарилъ Кіевскую духовную Академію за то, что она просвѣтила его своимъ здравымъ ученіемъ, расположила его полюбить родное православіе. Дѣйствительно, въ Кіевской Академіи, руководимой такими дѣятелями, какіе сейчасъ названы нами, м. Михаилъ могъ получить полное, основательное богословское знаніе, глубокое убѣжденіе въ истинности православія, которое онъ потомъ съ такою энергіею, мужествомъ и самоотверженіемъ отстаивалъ въ своемъ отечествѣ до конца своей жизни.

Кромѣ того, во все время своего обученія въ Кіевской духовной Академіи Милой Іоанновичъ находился подъ внимательнымъ наблюденіемъ своего благодѣтеля, сербскаго митрополита Петра, который зорко слѣдилъ за успѣхами и поведеніемъ своего питомца изъ далекаго Бѣлграда. Митрополитъ Петръ, видимо, весьма высоко цѣнилъ дарованія Милоя Іоанновича и возлагалъ на него большія надежды. Онъ желалъ, чтобы дарованія его были всецѣло посвящены на пользу сербской церкви и съ этою цѣлію старался расположить его

къ принятію монашескаго постриженія. Милой Іоанновичъ, видимо, сначала колебался, боясь трудности монашескаго подвига, но потомъ рѣшилъ исполнить желаніе своего благодѣтеля и изъявилъ согласіе посвятить себя всецѣло на служеніе родной церкви, принявъ монашество. Обо всемъ этомъ разсказываетъ самъ митрополитъ сербскій Петръ въ письмѣ къ митрополиту кіевскому Филарету отъ 15 декабря 1852 года. „Нашъ воспитанникъ, находящійся въ Кіевской духовной Академіи“,—писалъ преосв. Петръ м. Филарету,—„Милой Іоанновичъ, въ слѣдствіе моего увѣщанія принять иноческій чинъ, изъявилъ мнѣ, что, хотя онъ и долго колебался, по причинѣ строгихъ требованій иноческаго устава, однако теперь готовъ повиноваться моему призыванію и потребностямъ церкви, и рѣшился посвятить себя монашескому чину. Такъ какъ цѣль отправленія нашихъ воспитанниковъ въ духовныя заведенія благочестивой Россіи есть та, чтобы они, напоивши тамъ душу свою духовнымъ просвѣщеніемъ,—приняли на себя священство, нарочно въ монашескомъ чинѣ, и такимъ образомъ послужили бы отечественной своей церкви;—то Ваше Высокопреосвященство можете себѣ представить, какъ меня обрадовало это извѣстіе и какъ охотно даю я ему свое согласіе на его предложеніе и посылаю ему мое благословеніе на то отъ всего сердца. Благодарю Бога, приклонившаго сердце его къ сему для него и для отечественной своей церкви спасоносному пути и прошу Его Всемогущаго, чтобы Онъ утвердилъ его въ похвальномъ намѣреніи и далъ ему крѣпость и силу подвигомъ добрымъ подвизаться въ вожделѣнномъ имъ чинѣ. А Ваше Высокопреосвященство я, снесшись съ нашими властями, братски умоляю, чтобы Вы благоволили изъ усердія къ единовѣрной Вамъ сербской церкви учинить надлежащее распоряженіе къ тому, чтобы означенный питомецъ при Кіево-Печерской Лаврѣ, сей колыбели православія великой Россіи, былъ постриженъ въ монахи и произведенъ во діакона и пресвитера. Что же касается времени,

въ которое онъ будетъ удостоенъ сей благодати, то я предоставляю сіе совершенно на благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства, примѣчая съ своей стороны только то, чтобы Вы ускорили производствомъ на степень священства Милоя Іоанновича, такъ какъ ему предстоитъ скорое возвращеніе въ отечество. Желаніе мое таково, чтобы онъ возвратился въ отечество тотчасъ по окончаніи академическаго курса, то есть къ сентябрю 1853 года, или не далѣе какъ къ празднику верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла въ будущемъ 1854 году, и чтобы онъ, если своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ заслужитъ вниманіе Вашего Высокопреосвященства и одобреніе академическаго начальства,— былъ снабженъ дипломомъ на ученую степень и украшенъ внѣшнимъ обыкновеннымъ отличіемъ".

Въ отвѣтъ на это письмо сербскаго митрополита Петра кіевскій м. Филаретъ писалъ ему 15 января слѣдующее: „искренно сорадуюсь духовной радости Вашей о томъ, что двое питомцевъ Вашихъ[1]), воспитывающихся у насъ въ Кіевѣ, изъявили желаніе посвятить себя на служеніе св. церкви въ званіи монашескомъ. Одинъ изъ нихъ, Милой Іоанновичъ, какъ оканчивающій уже курсъ въ Академіи, будетъ постриженъ теперь же, и я употреблю свое стараніе, чтобы онъ, по окончаніи курса, прибылъ къ Вамъ по Вашему желанію снабженный всѣмъ нужнымъ и посвященный въ санъ іеромонаха. Судя по весьма доброму нраву и поведенію и усердію къ наукамъ, надѣюсь, что онъ, при помощи Божіей, будетъ хорошимъ и полезнымъ служителемъ своей церкви и отечества".

Вскорѣ послѣ того, предъ окончаніемъ учебнаго курса, Милой Іоанновичъ, дѣйствительно, былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ во іеромонаха. 4 мая 1853 года

[1]) М. Петръ въ своемъ письмѣ отъ 15 декабря 1854 г. просилъ м. Филарета постричь въ монашество еще одного серба—воспитанника кіевской духовной семинаріи.

Кіевскій митрополитъ Филаретъ такъ извѣщалъ объ этомъ преосв. Петра, митрополита сербскаго: „воспитанникъ кіевской Академіи, сербъ Милой Іоанновичъ, согласно его прошенію и соизволенію Вашему, постриженъ въ монашество Ректоромъ Академіи, архимандритомъ Антоніемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ пещерной церкви преподобнаго Ѳеодосія марта 29 сего 1853 года, причемъ наименованъ Михаиломъ, во имя перваго святителя кіевскаго, нетлѣнно почивающаго св. мощами въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, и затѣмъ мною посвященъ 16 апрѣля во іеромонаха [1]). Увѣдомляя Ваше Преосвященство объ этомъ, смиренно желаю, чтобы іеромонахъ Михаилъ былъ со временемъ достойнымъ и полезнымъ служителемъ православной церкви, пастырскому попеченію Вашему ввѣренной, и уповаю, что, съ Божіею помощію, онъ и будетъ таковымъ".

Едвали стоитъ напоминать здѣсь о томъ, что это „упованіе" смиреннаго кіевскаго святителя—подвижника оправдалось вполнѣ. Подобно своему небесному покровителю, по преданію и нѣкоторымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, устроившему русскую церковь, и инокъ Михаилъ впослѣдствіи удостоился сдѣлаться не только первосвятителемъ, но и организаторомъ, даже, можно сказать, основателемъ автокефальной сербской православной церкви.

Сербскій митрополитъ Петръ былъ глубоко обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что его завѣтное желаніе—видѣть своего любимаго питомца въ монашескомъ чинѣ—исполнилось. Свою радость по этому поводу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарность кіевскому митрополиту Филарету за его отечески-сочувственное отношеніе къ молодому иноку онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ своего письма къ м. Филарету отъ 30 іюня 1853 года: „сербская церковь вмѣстѣ со мною много обязана

[1]) Изъ самаго дѣла о посвященіи Милоя Іоанновича (арх. кіев. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1853 г. № 50) видно, что во іеродіакона этотъ послѣдній былъ рукоположенъ м. Филаретомъ 12 апрѣля 1853 г.

вашему Высокопреосвященству. По милостивѣйшему одобренію Августѣйшаго нашего покровителя, Ваше Высокопреосвященство не только благосклонно приняли нашихъ питомцевъ, посланныхъ въ Кіевъ для духовнаго образованія, и снабдѣвали ихъ всѣмъ потребнымъ даже сверхъ существующихъ постановленій: но и содержали ихъ въ своей постоянной одинаковой отеческой любви во все время пребыванія ихъ подъ Вашимъ вѣдомствомъ до конца. И теперь, по моей просьбѣ, одного изъ нихъ, какъ Вы извѣщаете меня отъ 4 мая, благоволили рукоположить во іеромонаха. За толикія благодѣянія церковь сербская останется всегда признательною Вашему Высокопреосвященству. И я, какъ представитель ея, теперь, при выходѣ изъ училища питомца нашего Милоя (нынѣ іеромонаха Михаила), который въ продолженіе 7 лѣтъ обильно пользовался неоцѣненными благами въ славныхъ училищахъ Вашихъ,—почитаю своею священною обязанностію принесть Вашему Высокопреосвященству сердечную мою благодарность какъ отъ себя, такъ и отъ лица всей отечественной моей церкви. Примите благосклонно Ваше Высокопреосвященство сію искреннюю благодарность и не оставьте, прошу, молодого іеромонаха, при отбытіи его отъ Васъ, снабдѣть Вашимъ *благословеніемъ и совѣтами, которые могутъ быть полезны ему на всю жизнь*“ [1]).

Такъ высоко, слѣдовательно, цѣнилъ сербскій м. Петръ то обстоятельство, что его питомецъ—іером. Михаилъ—воспитался подъ руководствомъ такого великаго архипастыря, какимъ, очевидно, и за предѣлами Россіи извѣстенъ былъ м. Филаретъ. И послѣдствія краснорѣчиво показали, что іером. Михаилъ не напрасно, не безслѣдно воспользовался совѣтами и руководствомъ кіевскаго святителя-подвижника.

Въ іюлѣ 1853 года іером. Михаилъ окончилъ курсъ академическаго образованія, причемъ ему была присуждена

---

[1]) См арх. кіевск. дух. Акад. по Внутр. Правл за 1853 г., дѣло № 50.

ученая степень магистра богословія какъ вообще за очень хорошіе успѣхи его въ наукахъ, такъ и, въ частности, за его курсовое сочиненіе, которое онъ писалъ на тему: „Обзоръ исторіи сербской церкви“ и которое впослѣдствіи (въ 1856 г.) было напечатано имъ на сербскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Поглед на историју Српске Цркве“. Однакоже іером. Михаилъ не тотчасъ по окончаніи курса отправился къ себѣ на родину. Его покровитель, сербскій митрополитъ Петръ желалъ, чтобы онъ какъ можно ближе познакомился съ Россіею, съ устройствомъ русской церкви, порядками православнаго богослуженія въ Россіи, съ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи и т. п. Знаніе всего этого онъ, очевидно, считалъ необходимымъ и полезнымъ для того, на кого возлагалъ въ будущемъ большія надежды. Поэтому, митрополитъ Петръ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ іеромонаху Михаилу, во время пребыванія его въ Академіи, совѣтовалъ ему, по окончаніи курса академическаго, прожить еще нѣкоторое время въ Россіи и, между прочимъ, посѣтить Москву и Петербургъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ прошенія самаго іером. Михаила, съ какимъ онъ входилъ въ Академическое Правленіе 3 сентября 1853 года. „По окончаніи академическаго курса“,—писалъ онъ въ своемъ прошеніи,—„я долженъ посѣтить, согласно съ желаніемъ и волею моего іерархическаго начальства, столичные и другіе города Россійской имперіи. Почему покорнѣйше прошу Академическое Правленіе выдать мнѣ билетъ на проѣздъ въ Москву и С.-Петербургъ—и обратно срокомъ на четыре мѣсяца, и исходатайствовать надлежащую подорожную. При чемъ честь имѣю приложить здѣсь въ подлинникѣ мѣста изъ письма Высокопреосвященнѣйшаго Сербскаго митрополита Петра, ко мнѣ отъ 30 іюня послѣдовавшаго, свидѣтельствующія о дозволеніи мнѣ посѣтить означенныя мѣста и опредѣляющія цѣль онаго посѣщенія. Слова его суть слѣдующія: „Москву и Петроградъ свакояко посѣти и у свакомъ одъ овы градова пробови нѣко

време. Посмотри у нима нарочито оно, што се тиче твогъ опредѣленія: богослуженіе, благочиніе монашеско, редъ (порядокъ) по семинаріама и другимъ училищама“ [1]) и проч. [2]).

Академическое Правленіе тогда же исходатайствовало іером. Михаилу билетъ на проѣздъ въ Москву и Петербургъ, срокомъ на четыре мѣсяца, до 5 декабря 1853 г. Іеромонахъ Михаилъ въ сообществѣ одного своего товарища (Пѣвницкаго, нынѣ протоіерея въ Москвѣ) отправился на сѣверъ Россіи, причемъ, въ числѣ другихъ замѣчательныхъ монашескихъ обителей, посѣтилъ Оптину пустынь и прожилъ тамъ нѣкоторое время. Изъ Петербурга онъ возвратился въ началѣ слѣдующаго года (1854) въ Кіевъ, но и теперь не тотчасъ же отправился на родину. Вѣроятно, его удерживали отъ возвращенія на родину, съ одной стороны, трудности и неудобства зимняго путешествія изъ Россіи въ Сербію, а съ другой—наступившее тогда бурное военное время. Въ ожиданіи возможности возвращенія на родину іером. Михаилъ отправлялся изъ Кіева къ земляку своему—сербу, Ризничу, имѣвшему помѣстье въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ котораго онъ проводилъ иногда и въ теченіе академическаго курса вакаціонное время. Объ этомъ мы узнаемъ изъ переписки между сербскимъ митрополитомъ Петромъ и кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ. 12 февраля 1854 года первый писалъ второму, между прочимъ, слѣдующее: „при семъ препровождаю приложенное письмо мое на имя питомца нашего іеромонаха Михаила Вашему Высокопреосвященству по той причинѣ, что я не знаю, находится ли онъ еще въ Петербургѣ, или возвратился въ Кіевъ, или пребываетъ у Ризнича на селѣ, какъ онъ мнѣ писалъ изъ Петербурга, что въ означенныя

[1]) Т. е. „Москву и Петербургъ во всякомъ случаѣ посѣти и въ каждомъ изъ этихъ городовъ пробудь нѣкоторое время. Посмотри въ нихъ въ особенности на то, что касается твоего опредѣленія: богослуженіе, монашеское благочиніе, порядокъ въ семинаріяхъ и другихъ училищахъ“.

[2]) См. арх. Кіев. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1853 г., дѣло № 44.

мѣста оттуда будетъ ѣхать. Въ семъ письмѣ отвѣтствую ему, чтобы онъ, по причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ, не сомнѣвался возвращаться въ свое отечество, и о семъ то прошу покорнѣйше и Васъ, чтобы, при доставленіи ему письма сего, совѣтовали". М. Филаретъ уже 20 марта 1854 года отвѣчалъ преосв. Петру: „письмо Ваше на имя іеромонаха Михаила Іоанновича отослано къ нему въ деревню г. Ризнича, куда онъ въ февралѣ мѣсяцѣ отправился на нѣкоторое время, предположивъ прибыть въ свое отечество къ днямъ Свѣтлаго Христова Воскресенія; на проѣздъ онъ получилъ надлежащій паспортъ".

Изъ дѣла видно, что іером. Михаилъ сначала, именно 11 февраля 1854 г.. получилъ паспортъ на проѣздъ въ Сербію черезъ Австрію; но затѣмъ спустя нѣкоторое время (мѣсяцъ и число не обозначены) онъ просилъ Академическое правленіе исходатайствовать ему паспортъ для свободнаго проѣзда въ Сербію чрезъ Бессарабскую область и Бухарестъ, потому что путь черезъ Австрію, какъ онъ узналъ уже на дорогѣ, „въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ небезопасенъ и неудобенъ" [1]). Изъ послѣдующаго видно, что въ іюнѣ 1854 года іером. Михаилъ былъ уже въ Сербіи.

Такимъ образомъ, съ богатыми и основательными богословскими познаніями, съ любовію и благодарностію къ Россіи, какъ своей второй родинѣ, съ значительнымъ запасомъ не только теоретическихъ, но и практическихъ знаній внутренняго устройства русской православной церкви и, въ частности, русскихъ обителей и духовно-учебныхъ заведеній, наконецъ, съ крѣпкими и непоколебимыми нравственными убѣжденіями іеромонахъ Михаилъ, послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Россіи, возвратился на родину. Здѣсь онъ вскорѣ, именно въ іюнѣ 1854 года былъ назначенъ профессоромъ родной бѣлградской семинаріи по каѳедрѣ догматическаго бого-

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. правл. за 1854 г. дѣло № 28.

словія и гомилетики. Очень недолго, всего четыре съ небольшимъ мѣсяца онъ исполнялъ обязанности профессора, но и за это время успѣлъ, съ одной стороны, полюбить свое учительское званіе и дѣло, а съ другой—привлечь къ себѣ и своихъ питомцевъ. Прощальная бесѣда его съ своими учениками по бѣлградской семинаріи, напечатанная имъ впослѣдствіи въ своемъ „Церковномъ Учителѣ“, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той скорби, съ какою іером. Михаилъ оставлялъ, по желанію высшаго начальства, скромную должность учителя для того, чтобы занять другое, болѣе почетное мѣсто.

11 октября 1854 года онъ былъ назначенъ архимандритомъ Студеницкаго монастыря, а черезъ три дня послѣ того, 14 октября былъ хиротонисанъ во епископа шабацкаго.

Шабацкою епархіею преосв. Михаилъ управлялъ около 5 лѣтъ, успѣвъ заслужить въ теченіе такого короткаго времени глубокую любовь и уваженіе со стороны своей паствы въ особенности своею благочестивою жизнію и ревностнымъ проповѣдничествомъ. „Твои мудрыя бесѣды“,—говорили пасомые въ одномъ изъ своихъ благодарственныхъ посланій къ епископу шабацкому Михаилу,—„о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанскихъ, о добродѣтеляхъ, достоинствахъ и заслугахъ гражданскихъ—передадутся въ отдаленное наше потомство“.

Вскорѣ однакоже преосв. Михаилу пришлось покинуть свою шабацкую паству, возлюбившую его. 1858 годъ былъ знаменателенъ въ исторіи сербскаго государства. Въ этомъ году произошли важныя перемѣны въ высшемъ управленіи страною, причемъ старый князь Милошъ, по желанію народа, снова появляется въ Сербіи и возвращаетъ роду Обреновичей утраченный было имъ престолъ. Перемѣны въ гражданскомъ управленіи страною повлекли за собою, какъ и слѣдовало ожидать, перемѣны и въ сферѣ церковно-административной. Митрополитъ Петръ, удалившійся предъ тѣмъ добровольно въ Австро-Венгрію, вынужденъ былъ теперь оставить

Сербію на-всегда и переселиться въ Австрію, гдѣ скоро получилъ въ свое управленіе православную карлштадтскую епархію. Недоброжелатели преосв. Михаила тогда же распространили слухъ, державшійся въ ихъ средѣ долго и впослѣдствіи,—слухъ о томъ, будто преосв. Михаилъ былъ однимъ изъ виновниковъ удаленія м. Петра въ Австрію, по понятнымъ побужденіямъ. Но не говоря уже о томъ, что подобное дѣйствіе рѣшительно противорѣчитъ всему тому, что извѣстно о характерѣ преосв. Михаила—честномъ, правдивомъ и стойкомъ, положительно и несомнѣнно извѣстно, что преосв. Михаилъ не только не содѣйствовалъ удаленію изъ Сербіи своего покровителя и благодѣтеля, а, наоборотъ, ходатайствовалъ за м. Петра предъ княземъ Милошемъ, чрезъ одного изъ тоговременныхъ сербскихъ епископовъ. Телеграммою онъ просилъ ужицкаго епископа Іоанникія, который долженъ былъ встрѣчать въ Неготинѣ возвращавшагося въ отечество князя Милоша, умолять этого послѣдняго, чтобы онъ „удалилъ опасность, грозящую нарушеніемъ церковнаго мира и позоромъ сербской іерархіи“. Также точно представляетъ дѣло это и историкъ сербской церкви, архим. Никифоръ Дучичъ. „Когда князь Милошъ“,—говоритъ онъ,—„прибылъ изъ Румыніи въ Бѣлградъ въ 1859 г. и взялъ въ свои руки высшую власть, то возратился въ Бѣлградъ и м. Петръ, чтобы явиться ему. Князь принялъ его вмѣстѣ съ администраторомъ бѣлградской митрополіи, епископомъ Михаиломъ, не пожелавъ сказать ни одного слова о его возвращеніи на митрополичью каѳедру, но посовѣтовалъ ему, чтобы онъ послужилъ сербской церкви и сербскому народу въ Австро-Венгріи, говоря: *„и тамъ есть наши добрые сербы; добрый народъ, какъ нашъ „херски“, послужи ему, какъ знаешь и умѣешь*“ [1]).

Еще прежде возвращенія князя Милоша въ отечество, тотчась же по удаленіи м. Петра въ Австро-Венгрію, вре-

[1]) Историја српске православне цркве. Биоград 1894 г. стр. 225.

Библиотека ООН

менное управленіе сербскою церковью было поручено шабацкому епископу Михаилу. Вскорѣ же по возвращеніи кн. Милоша, была созвана имъ народная скупщина, къ участію въ которой были приглашены всѣ епископы сербской церкви. Архіереямъ предложено было избрать изъ своей среды кандидата на освободившуюся митрополичью каѳедру. Выборъ епископовъ, состоявшійся въ синодальномъ засѣданіи въ Крагуевцѣ 25 іюля 1859 г., палъ на епископа шабацкаго Михаила, и вполнѣ соотвѣтствовалъ общему желанію народа, который еще со времени самаго возвращенія преосв. Михаила изъ Россіи считалъ его желательнымъ преемникомъ митрополита Петра: такъ дорожилъ тогда сербскій народъ лицами, получившими воспитаніе въ единовѣрной Россіи. Въ тотъ же день князь Милошъ Обреновичъ утвердилъ избраніе синода, равно какъ изъявилъ свое согласіе на этотъ выборъ и вселенскій патріархъ Кириллъ, незамедлившій прислать свою подтвердительную грамоту новому митрополиту Сербіи, помѣченную 9 августа 1859 года.

Съ того времени и началось достойное, богатое многими добрыми послѣдствіями, долголѣтнее служеніе преосв. Михаила на каѳедрѣ сербскихъ первосвятителей. Дѣятельность его, какъ митрополита сербскаго, была широка и многосторонняя. Онъ заботился о возвышеніи сербской православной церкви на степень самостоятельной и независимой —автокефальной, о лучшемъ устройствѣ внутренняго управленія ея, о поднятіи уровня умственнаго развитія, прежде всего, сербскаго духовенства, а затѣмъ и всего сербскаго народа, объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства и, въ частности, вдовъ и сиротъ его, объ установленіи возможно болѣе близкой, братской связи сербской церкви съ прочимъ православно-христіанскимъ міромъ, въ особенности же съ единовѣрною церковью единоплеменнаго русскаго народа, путемъ непосредственныхъ сношеній и болѣе подробнаго ознакомленія ихъ съ нуждами и потребностями сербскаго народа

и сербской православной церкви. Обо всемъ этомъ и особенно объ участіи м. Михаила въ возвышеніи сербской церкви на степень автокефальной, въ ея организаціи и о духовно-просвѣтительной дѣятельности его мы скажемъ ниже болѣе подробно и обстоятельно.

А теперь замѣтимъ, что заботами о благосостояніи ввѣренной ему отъ Бога церкви далеко не исчерпывалась многосторонняя дѣятельность м. Михаила. Онъ былъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ, принимавшимъ всегда самое живое участіе во всѣхъ видныхъ дѣлахъ и событіяхъ политической жизни молодого сербскаго государства. Съ особенною ясностію это значеніе личности м. Михаила проявилось во время войны сербскаго народа съ своими поработителями—турками въ 1875—1878 г.г. Въ это время м. Михаилъ, безъ преувеличенія можно сказать, былъ самымъ главнымъ государственнымъ лицомъ въ Сербіи. Онъ былъ тогда и дѣятельнымъ руководителемъ всей борьбы народа за свою свободу и въ его же рукахъ сосредоточивались всѣ мирныя и умиротворявшія силы вообще бурнаго сербскаго политическаго міра. Основою дѣятельности м. Михаила, какъ незримаго руководителя сербской политики, всегда служилъ самый искренній, самый чистый патріотизмъ, любовь къ родинѣ, ея благу и славѣ. Оттого-то такъ глубоко и такъ искренно чтило и преклонялось предъ нимъ все православное сербство, даже жившее за предѣлами сербскаго государства, ибо сербы видѣли въ немъ наиболѣе типичнаго представителя своего народа.

И не только въ Сербіи, но и во всемъ славянскомъ, даже во всемъ православно-христіанскомъ мірѣ былъ высокъ нравственный авторитетъ м. Михаила. Особенно же почиталъ и уважалъ, даже болѣе того: любилъ почившаго первосвятителя сербской церкви нашъ русскій православный народъ, который видѣлъ въ немъ лучшаго представителя единоплеменнаго ему народа, преданнаго своего друга, мужествен-

наго борца и даже мученика за православную вѣру и за истину. Когда въ трудную пору опасности, грозившей разрѣшиться окончательнымъ пораженіемъ и, разумѣется, порабощеніемъ сербовъ турками, раздался патріотическій голосъ м. Михаила, молившаго о помощи, то русскій народъ первый съ неподдѣльнымъ чувствомъ откликнулся на этотъ братскій призывъ и... въ Сербію потекли изъ нашего отечества не только обильныя пожертвованія какъ деньгами, такъ и другими предметами, необходимыми для сербской арміи, но и цѣлыя тысячи русскихъ добровольцевъ, своею кровію запечатлѣвшихъ любовь къ братскому сербскому народу и уваженіе къ его первосвятителю Михаилу. Всякое появленіе м. Михаила среди русскаго народа привѣтствовалось этимъ послѣднимъ, какъ самое желанное, самое радостное, пріятное событіе. Когда въ 1869 г. онъ посѣтилъ Россію, то, по выраженію краснорѣчиваго оратора, привѣтствовавшаго м. Михаила 26 октября въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго Славянскаго Комитета, „три, столь отличные одинъ отъ другого города, представители трехъ различныхъ эпохъ русской исторіи, великокняжескій Кіевъ, царская Москва и императорскій Петербургъ (не вся ли тутъ нынѣшняя и историческая Русь?), слились въ единой мысли и въ единомъ чувствѣ (любви и радости), когда имъ пришлось принимать у себя высокаго славянскаго гостя“ [1]).

Съ своей стороны, и м. Михаилъ въ Россіи и въ русскомъ народѣ всегда видѣлъ главную опору и надежду всего славянскаго міра и, въ частности, сербскаго народа. „Крѣпка надежда сербскаго народа на великодушіе русскихъ“,—говорилъ преосв. Михаилъ въ томъ же засѣданіи Петербургскаго Славянскаго Комитета 26 октября 1869 года. „Сербскій народъ искренно надѣется на великаго Государя русскаго и

---

[1]) См. у Т. Филиппова. Современные церковные вопросы. СПБ. 1882, стр. 4

весь русскій народъ". И въ этой своей надеждѣ сербскій народъ и его первосвятитель никогда не обманывались. Въ Россіи м. Михаилъ получилъ высшее образованіе, положилъ прочный фундаментъ для всей послѣдующей своей славной дѣятельности; въ Россіи онъ постоянно находилъ нравственную поддержку и утѣшеніе въ трудные моменты своего высокаго и отвѣтственнаго служенія; здѣсь же, въ Россіи онъ нашелъ себѣ убѣжище и въ тяжелые годы насильственнаго удаленія его изъ отечества.

Болѣе четверти вѣка м. Михаилъ неутомимо и безкорыстно служилъ своей родинѣ и церкви православной, прежде чѣмъ онъ долженъ былъ, въ силу необходимости, оставить горячо любимое имъ отечество свое. Много и успѣшно потрудился онъ для сербской политической независимости извнѣ и дѣла мира внутри. Ему главнымъ образомъ была обязана своимъ укрѣпленіемъ на сербскомъ престолѣ династія Обреновичей. Все это сдѣлало имя м. Михаила общеизвѣстнымъ въ славянскомъ мірѣ и возвысило его нравственно на пьедесталъ славы и уваженія, казалось, недосягаемый ни для какой интриги. Еще незадолго предъ тѣмъ, 14 октября 1879 года, праздновалось въ Сербіи двадцатипятилѣтіе архіерейскаго служенія м. Михаила. И день этотъ совершенно неожиданно сдѣлался днемъ, можно сказать, великаго всеславянскаго торжества. Со всѣхъ концовъ Сербіи, изъ другихъ славянскихъ странъ и въ особенности изъ Россіи привѣтствовали м. Михаила и отправляли къ нему поздравительные адресы и телеграммы,—дань уваженія и признательности заслугамъ великаго святителя и выдающагося общественнаго дѣятеля въ православномъ славянствѣ. О количествѣ произнесенныхъ и прочитанныхъ на юбилейномъ торжествѣ привѣтственныхъ рѣчей и посланій можно судить уже по одному тому, что они составили цѣлый объемистый томъ въ печати.

Но за днями торжества не замедлили скоро послѣдовать годы скорби, униженія и страданія. Съ началомъ восьмидесятыхъ годовъ въ Сербіи, собственно въ правительствѣ ея и сравнительно небольшомъ кружкѣ интеллигенціи установилось направленіе, противное желаніямъ и преданіямъ сербскаго народа. Въ основѣ этого направленія лежало отчужденіе отъ Россіи и сближеніе съ Австріей. Главнымъ инициаторомъ и поборникомъ подобнаго направленія былъ самъ король (тогда еще князь) сербскій, а главнымъ и сильнымъ противникомъ его былъ м. Михаилъ. Къ этому еще присоединились личные счеты князя съ митрополитомъ. Покойный митрополитъ не соглашался на незаконный разводъ князя съ его супругой, подготовлявшійся уже тогда. Правительству сербскому и больше всего его руководителю потребовалось, во что бы то ни стало, удалить митрополита. Этого желали достичь сначала путемъ униженія православной церкви, во главѣ которой стоялъ митрополитъ, а когда это не подѣйствовало, то рѣшились употребить даже мѣры грубаго насилія въ отношеніи къ доблестному и мужественному защитнику правъ церкви.

Весною 1881 года сербское правительство, при посредствѣ народной скупщины, собравшейся въ Бѣлградѣ и подобранной министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, провело законъ о таксахъ (налогахъ), имѣвшій въ виду опредѣлить денежный налогъ на всѣ дѣйствія властей, обезпечиваемыхъ и покровительствуемыхъ государственными законами. 16 параграфовъ этого закона заключали въ себѣ опредѣленія о налогахъ на духовные чины и званія, т. е. на посвященіе и возведеніе въ духовныя степени, а также и на нѣкоторыя дѣйствія, по самому существу своему совершавшіяся только священнослужителями. Это было противно органическому законоположенію и устройству сербскаго государства и не согласовалось съ желаніемъ всего народа. Въ сербскомъ государствѣ законопроэкты составляются ми-

нистерствомъ, или, лучше сказать, подлежащимъ министромъ, но предварительно выслушивается мнѣніе Государственнаго Совѣта, который обязанъ разсматривать законопроэкты и даже давать имъ окончательную редакцію, въ какой они и представляются уже на обсужденіе скупщины. Что касается законовъ и правительственныхъ распоряженій по дѣламъ церковнымъ, то законъ о церковныхъ властяхъ православной вѣры въ Сербіи прямо гласитъ: всякій законопроэктъ, касающійся церкви и ея представителей, можетъ быть вырабатываемъ или архіерейскимъ соборомъ, или же самимъ правительствомъ; но въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть непремѣнно предлагаемъ на обсужденіе архіерейскаго собора, который, въ случаѣ принятія его, дѣлаетъ предписаніе подлежащимъ органамъ духовной власти о приведеніи его въ исполненіе. Но такъ какъ архіерейскій соборъ созывается только одинъ разъ въ годъ, то въ чрезвычайныхъ и особенно важныхъ случаяхъ, требующихъ немедленнаго изданія такого или иного закона и приведенія его въ дѣйствіе, предупрежденія, или пресѣченія какого либо ненормальнаго явленія въ церковной жизни, право вырабатывать законопроэкты предоставляется и министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Однакоже министръ обязанъ представлять проэктируемый законъ на усмотрѣніе митрополита, какъ предсѣдателя архіерейскаго собора, а митрополитъ долженъ былъ письменно сноситься съ остальными членами архіерейскаго собора и требовать отъ нихъ, чтобы они высказали свое мнѣніе—должно ли принять законъ, или не должно, и если должно, то въ какой именно формѣ. Полученное путемъ такихъ сношеній между членами архіерейскаго собора рѣшеніе митрополитъ передаетъ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, причемъ это рѣшеніе должно было заноситься въ протоколъ ближайшаго засѣданія архіерейскаго собора предъ его открытіемъ. Таковъ нормальный ходъ законодательной дѣятельности въ Сербіи и онъ былъ существенно нарушенъ, при введеніи закона о таксахъ.

Тотъ отдѣлъ закона о таксахъ (налогахъ), который ка-

сался церкви, не былъ предложенъ самимъ архіерейскимъ соборомъ; не былъ онъ предложенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и на предварительное обсужденіе его, а былъ прямо сообщенъ ему къ исполненію.

Неудивительно, поэтому, если м. Михаилъ, какъ глава сербской церкви и предсѣдатель архіерейскаго собора, узнавши объ этомъ законѣ, послѣ его напечатанія въ правительственномъ органѣ (Српске Новине 1881 г.), счелъ своимъ долгомъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ удивленіе по поводу не только появленія подобнаго закона вообще, но также и его неправильности, неосмотрительности и очевиднаго противорѣчія самому духу православной церкви и ея законамъ. Митрополитъ признавалъ неправильнымъ то, что такой законъ былъ изданъ безъ предварительнаго сношенія съ церковною властію. „Вездѣ“,—говорилъ онъ,—„соблюдаются границы, раздѣляющія власть государственную отъ церковной, а особенно на Востокѣ. Если допустимъ, что государственная власть лишь по собственному усмотрѣнію будетъ издавать законы, то послѣдствія этого произойдутъ слѣдующія: между государствомъ и церковью возникнетъ пропасть, недовѣріе. Если государственная власть отказывается отъ предварительныхъ совѣщаній съ властію церковною, при составленіи законовъ, касающихся внутренняго ея устройства, то и церковная власть логически освобождается отъ обязанности согласоваться съ желаніями правительства, при отправленіи собственныхъ ея дѣлъ. Церковь должна стоять внѣ временныхъ политическихъ перемѣнъ, которыя нерѣдко бываютъ дурны и кратковременны, а если она подчинится всѣмъ минутнымъ давленіямъ, то и сама станетъ недолговѣчною, не соборною и апостольскою, но дѣйствующею по вѣянію реформъ, которыя сегодня вводятся, а завтра отмѣняются. Назначать таксу на духовные саны—значитъ выставлять ихъ на продажу. Въ поясненіе этой мысли приведемъ здѣсь установленный закономъ 3-го апрѣля размѣръ таксы: посвяща-

емый во священника долженъ платить 20 динаровъ (или франковъ), въ протоіерея 50 динаровъ, въ монаха—100 динаровъ, въ іеромонаха—150 динаровъ, въ сингела—столько же, въ протосингела—200 дин., игумена—300 дин., архимандрита 400 дин., епископа—2000 дин., митрополита—4000 динаровъ. Нельзя не замѣтить въ этомъ перечисленіи смѣшенія духовныхъ сановъ по благодати съ должностями по назначенію". Далѣе, м. Михаилъ спрашивалъ министра: какимъ образомъ государственная власть можетъ взимать налоги за духовные саны, которыхъ она сама не дастъ и носителямъ которыхъ не предлагаетъ никакого содержанія изъ государственной казны? Не беретъ же она такихъ налоговъ съ людей, служащихъ общинамъ и другимъ неправительственнымъ учрежденіямъ, чего не требуется даже и въ закопѣ 3 апрѣля? Далѣе, м. Михаилъ указывалъ на самую несообразность таксы, а именно: вступленіе въ монашество облагалось пошлиною въ 100 динаровъ, а между тѣмъ монахъ въ Сербіи изъ общихъ средствъ обители своей получаетъ въ годъ не болѣе 80 дин.; слѣд., по этому закону съ него придется брать болѣе суммы его годичнаго содержанія. Кромѣ того, нигдѣ нѣтъ того, чтобы обѣты отреченія отъ мірской жизни влекли за собою такую пеню. Генералъ, получающій 2000 талеровъ (около 1000 фр.), помимо разныхъ прибавокъ, не говоря уже о томъ почетѣ и другихъ преимуществахъ, которыя предоставляются этимъ чинамъ, платитъ 150 дин. пошлины, т. е. столько же, сколько и іеромонахъ. Можно подумать, поэтому, что законъ разсчитанъ на совершенное уничтоженіе монашества. Указавъ, далѣе, на то, что въ Сербіи каждый новорукоположенный священникъ имѣетъ множество расходовъ, при поступленіи на мѣсто, митрополитъ выставлялъ полную невозможность для такихъ лицъ уплачивать требуемую сумму по таксѣ. При опредѣленіи пошлины за архіерейское благословеніе, разрѣшающее, напр., вступленіе въ бракъ лицамъ, находящимся въ родственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, равно какъ

и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ не было обращено вниманія на то, что оно является продажею благодати, а съ другой—на тѣ препятствія къ браку, которыя устраняются архіерейскимъ благословеніемъ. Условія и причины этихъ препятствій неодинаковы и, если желали ихъ оцѣнивать, то нужно было раздѣлить ихъ на категоріи и потомъ уже облагать различными налогами. Но даже и не въ этомъ собственно дѣло: бѣдняки, не имѣющіе возможности уплатить 100 динаровъ, должны будутъ предаться или внѣ брачному сожитію, или нравственной порчѣ вообще. „Если бѣдняки лишаются благъ, получаемыхъ отъ благословенія, то почему же оно должно быть исключительнымъ достояніемъ богатыхъ? И можетъ ли государство принуждать архіереевъ къ продажѣ своего благословенія? Если не можетъ, то сколько же придется на его долю изъ налога? Здѣсь упущено изъ виду, что архіереи, по власти, дарованной имъ преемственно отъ Іисуса Христа, имѣютъ право давать благословеніе, но съ соблюденіемъ церковныхъ постановленій, что должно соблюдать и уважать и сербское православное правительство“.

Упомянувъ еще о нѣкоторыхъ статьяхъ, устанавливавшихъ количество налога въ менѣе важныхъ случаяхъ, напр., за выписку изъ церковныхъ книгъ, о порядкѣ взиманія котораго въ законѣ не было опредѣленнаго указанія, м. Михаилъ такъ заканчивалъ свое письмо къ министру: „внимательно прочитавши и изучивши этотъ законъ о таксахъ, мы должны заявить, что лица, которыя его составили, не были знакомы съ правилами православной церкви и вѣры христіанской, что ими руководило не христіанское сердце и не то уваженіе, какое мы должны имѣть къ церкви, въ лонѣ которой родились и воспитались и къ которой до сихъ поръ принадлежимъ. Что же касается собственно сербскаго духовенства обоего чина (т. е. какъ бѣлаго, такъ и чернаго), то оно вовсе не заслуживаетъ такого отношенія къ нему за всѣ тѣ услуги, какія оно всегда оказывало съ немалою пользою

для своего народа. Непостижимо, какъ государственная власть могла пойти такимъ путемъ, который унижаетъ церковь и умаляетъ почтеніе къ правиламъ, ее устрояющимъ, существующимъ цѣлые вѣка и не составляющимъ произведенія нашего времени. Можетъ быть, это произошло отъ реалистическаго направленія, которое теперь распространяется повсюду и замѣтно начинаетъ проникать и въ нашъ народъ. Но если такое стремленіе можетъ быть терпимо въ низшихъ слояхъ населенія, подъ условіемъ надзора, не допускающаго его перейти въ крайность, то оно положительно вредно, если находитъ сочувствіе въ кругахъ законодательныхъ. Мы находимъ, что этотъ несправедливый и неосмотрительный законъ пагубенъ для церкви, а всякое дѣло, которое было бы вредно для православной вѣры, въ Сербіи запрещено 31 § земскаго устава“ [1]).

Министръ не принялъ никакихъ мѣръ къ удовлетворенію законныхъ требованій и протеста м. Михаила. Онъ отвѣтилъ послѣднему почти черезъ $2^1/_2$ мѣсяца (21 іюля) оскорбительнымъ письмомъ, которое показывало, что правительство не намѣрено было дѣлать никакихъ уступокъ церковной власти. Онъ писалъ, что церковный уставъ Сербіи допускаетъ принятіе архіерейскимъ соборомъ правительственныхъ распоряженій, составленныхъ безъ предварительнаго ознакомленія членовъ собора съ ними, и что 31 § земскаго устава, говорящій о дѣлахъ, вредныхъ для православной вѣры въ Сербіи, разумѣетъ подъ ними прозелитизмъ. Но всего болѣе изумлялся министръ тону, какимъ было написано письмо м. Михаила къ нему. Указывая, далѣе, на то, что таксою обложены всѣ, кто пользуется „дѣйствіями судебныхъ, административныхъ и другихъ разныхъ земскихъ властей“, и требуя подчиненія себѣ со стороны церковной власти, онъ тѣмъ самымъ давалъ знать, что не считаетъ нужнымъ принимать въ настоящемъ случаѣ во вниманіе церковныхъ каноновъ, о которыхъ его письмо и не упоминаетъ. Лишь одну уступку, повидимому,

[1]) См у Ав. В—ва. Митрополитъ сербскій Михаилъ. СПБ. 1882 г. стр. 15—17.

готовъ былъ сдѣлать министръ въ борьбѣ съ м. Михаиломъ, хотя готовность эту свою онъ не подкрѣплялъ на практикѣ какимъ либо соотвѣтствующимъ распоряженіемъ, или дѣйствіемъ. „Одно могу признать“, писалъ онъ, между прочимъ, „что въ законѣ, дѣйствительно, есть кое что, что могло подѣйствовать неблагопріятно на Ваше Высокопреосвященство,— это несоразмѣрная величина налога на тѣхъ, которые пользуются дѣйствіемъ или благословеніемъ церковныхъ органовъ“. Но изъ дальнѣйшихъ словъ письма оказывается, что это послѣднее замѣчаніе было сдѣлано министромъ съ цѣлью только уколоть въ лицѣ м. Михаила все сербское православное духовенство. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ слагалъ съ себя всю отвѣтственность за несоразмѣрность таксы, введенной закономъ 3 апрѣля, на представителей народа, которые, будто бы, этимъ закономъ выразили свое недовольство сербскимъ духовенствомъ. „Когда разсматривался законъ“,—замѣчалъ по этому поводу въ своемъ письмѣ министръ,—„въ законодательномъ собраніи (т. е. въ народной скупщинѣ), то нижеподписавшійся, исполняя свою обязанность, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, пытался склонить представителей народа въ пользу установленія болѣе соразмѣрныхъ таксъ; но ни его усилія, ни усилія нѣкоторыхъ депутатовъ, пытавшихся говорить въ томъ же смыслѣ, не привели ни къ чему. Прискорбный, но дѣйствительный фактъ есть то, что причина такого рѣшенія заключается, очевидно, въ ослабѣвшемъ, почти утраченномъ авторитетѣ церкви и ея служителей въ глазахъ народа, въ очевидномъ недостаткѣ среди него крѣпкой дисциплины, живаго вниманія и интереса къ своему призванію. Таковъ гласный отзывъ о церковныхъ дѣлахъ въ Сербіи лучшихъ людей изъ народа и народное представительство дало этому мнѣнію сильное выраженіе, установивъ почти единогласно таксы, которымъ, дѣйствительно, нельзя отказать въ несоразмѣрности съ остальными“. Повторивъ въ заключеніе, что таксы опредѣлены непоколебимою

волею представителей народа, министръ прибавлялъ, что онъ считаетъ своею обязанностію оградить правительство отъ оцѣнки, унижающей его, и потому приглашалъ м Михаила впредь держаться въ сношеніяхъ съ правительствомъ „тона, который былъ бы согласенъ съ положеніемъ высшаго сановника отечественной церкви“.

Послѣ того, какъ личная переписка съ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ не привела ни къ чему, м. Михаилъ рѣшился ожидать октябрьскихъ засѣданій архіерейскаго собора, чтобы предложить на его обсужденіе новый законъ или, по крайней мѣрѣ, способы къ его согласшенію съ церковными канонами. Но прежде чѣмъ собрался архіерейскій синодъ, между министромъ Новаковичемъ и м Михаиломъ произошли новыя пререканія, ясно показывавшія, что законъ о таксахъ, въ его примѣненіи къ духовенству, былъ направленъ по преимуществу противъ личности м. Михаила. Столкновеніе между этимъ послѣднимъ и министромъ возникло по дѣлу, касавшемуся уже управленія не всею церковью, а только бѣлградскою епархіею. Одинъ сельскій священникъ, воспользовавшись борьбою между митрополитомъ и правительствомъ, подалъ министру жалобу на м. Михаила за обмѣнъ нѣсколькихъ домовъ изъ его прихода на дома, принадлежавшіе къ приходу другого священника. Министръ прислалъ эту жалобу къ митрополиту, требуя отъ него разъясненія дѣла. М. Михаилъ отвѣтилъ, что обмѣнъ домовъ между двумя приходами произведенъ былъ, по представленію мѣстнаго благочиннаго, вслѣдствіе частыхъ ссоръ, происходившихъ между священниками этихъ приходовъ. Тогда министръ запросилъ митрополита, имѣлъ ли онъ въ виду, при утвержденіи означеннаго обмѣна домовъ, 93 и 20 ст. ст. закона о церковныхъ властяхъ, гдѣ говорится, кто именно опредѣляетъ величину приходовъ въ Сербіи, а также статьи 45 пунктъ 3 и 121—126 ст. ст., гдѣ сказано, что споры между священниками о ихъ приходахъ должны быть разсматриваемы епархіальными

консисторіями. М. Михаилъ отвѣчалъ, что онъ суда надъ упомянутыми священьниками не производилъ и что обмѣнъ домовъ въ ихъ приходахъ утвержденъ былъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ велись подобныя дѣла всегда со времени изданія закона о церковныхъ властяхъ.

Дальнѣйшія событія съ очевидностію показали, что усилія министра Новаковича, дѣйствовавшаго, разумѣется, по внушенію князя и его правительства, были направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе ограничить архіерейскую власть въ Сербіи и, на основаніи земскаго устава и закона о церковныхъ властяхъ, подчинить церковную власть въ лицѣ митрополита и архіерейскаго синода министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Ближайшая же и непосредственная цѣль недостойной борьбы, начатой министерствомъ, заключалась въ униженіи всѣми уважаемаго представителя сербской церкви. Переписка Новаковича съ митрополитомъ по дѣлу обмѣна домовъ въ двухъ сельскихъ приходахъ, равно какъ и попытка его взыскать съ м. Михаила, чрезъ бѣлградскую консисторію, пеню въ 1800 динаровъ, согласно 22 ст. закона о таксахъ, за непредставленіе 300 динаровъ, слѣдовавшихъ, по новому закону, за возведеніе сингелла Ѳеофана въ игумена сербскаго подворья въ Москвѣ, ясно свидѣтельствовали о томъ, что намѣренія министра были именно таковы.

Переписка эта и пререканія м. Михаила съ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ происходили въ концѣ сентября. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца собрался въ Бѣлградѣ архіерейскій синодъ, на разсмотрѣніе котораго м. Михаилъ и передалъ свою переписку съ министромъ. Синодъ архіерейскій, убѣдившись, что „утвержденный безъ предварительнаго соглашенія съ церковною властію законъ (о таксахъ) находится въ противорѣчіи съ канонами святой православной церкви“, въ засѣданіи своемъ 6 октября, постановилъ требовать соотвѣтственнаго измѣненія его“ [1]).

[1]) См. тамъ же, стр 17.

Сообщая это рѣшеніе архіерейскаго собора, м. Михаилъ, съ своей стороны, писалъ министру Новаковичу, что въ отношеніи своемъ, писанномъ въ маѣ, онъ желалъ только обратить вниманіе правительства на тотъ путь, который должны были бы проходить подобные законы въ Сербіи, гдѣ православная вѣра признается господствующею, чтобы получить обязательную силу для духовенства и его архипастырей. Отзывъ самаго министра объ очевидной несоразмѣрности таксы, наложенной на духовенство сербское, показываетъ, что для устраненія этого прискорбнаго факта было бы достаточно, еслибы допущено было предварительное совѣщаніе о томъ, насколько законъ можетъ быть исполненъ церковною властію. О тонѣ своего объясненія м. Михаилъ замѣчалъ, что онъ тотъ же самый, какого держались въ перепискѣ съ правительственными властями его предшественники и какого самъ онъ всегда держался, будучи готовъ идти на встрѣчу намѣреніямъ правительства, когда они сообщались ему предварительно узаконеннымъ порядкомъ. Митрополитъ говорилъ, что и теперь онъ остается при прежнемъ мнѣніи о необходимости пересмотра спорнаго закона, который затрогиваетъ существеннымъ образомъ внутреннее устройство церкви, ибо раздаяніе духовныхъ сановъ и церковныхъ благословеній есть дѣйствіе, производимое, на основаніи церковныхъ каноновъ, архіерейскимъ соборомъ. Все, что совершается по церковнымъ канонамъ, — писалъ м. Михаилъ, — составляетъ внутреннюю дѣятельность церкви, каковая по 120 ст. устава, предоставлена архіерейскому собору, а никакъ не гражданскимъ властямъ. Духовенство по 123 ст. устава подчинено общимъ земскимъ властямъ только въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ и въ своихъ частныхъ имущественныхъ правахъ. Архіерейскій соборъ внимательно обсуждалъ 77 § закона о церковныхъ властяхъ православной вѣры въ Сербіи и убѣдился, что, хотя въ этой статьѣ и не сказано прямо, что въ земскіе законы не можетъ быть внесено ничего, касаю-

щагося церкви безъ предварительнаго выслушанія мнѣнія архіереевъ, но за то въ немъ прямо выражено, что и все то, что правительство постановитъ о церкви и духовенствѣ, принимается чрезъ архіерейскій соборъ, откуда прямо вытекаетъ право и даже обязанность собора представлять замѣчанія на все, что въ такихъ узаконеніяхъ будетъ противно церковнымъ канонамъ и требовать, чтобы они были приведены въ согласіе съ духомъ православной церкви. Свое письмо м. Михаилъ заканчивалъ слѣдующими словами: „изъ соборнаго заключенія правительство можетъ увидѣть, что отечественные архіереи не могутъ принять и въ своихъ богохранимыхъ епархіяхъ исполнятъ законъ о таксахъ въ его нынѣшней редакціи".

Вся изложенная нами исторія дѣла ясно показываетъ, что единственный исходъ изъ затрудненія, въ какое само себя поставило правительство сербское, заключался въ томъ, чтобы новый законъ подвергнуть пересмотру и сдѣлать въ немъ, по соглашенію съ церковною властію, соотвѣтствующія измѣненія. Но австрофильское, антинаціональное правительство сербское не только не желало сдѣлать вполнѣ законную уступку и поправить необдуманно допущенную ошибку, но и рѣшило, видимо, не останавливаться ни предъ какими средствами для своей безчестной борьбы съ заслуженнымъ предстоятелемъ сербской церкви. Съ этого момента борьба правительства съ церковью переходитъ въ новую стадію и открыто дѣлается борьбою правительства съ м. Михаиломъ.

Министръ Новаковичъ увидѣлъ, будто бы, противорѣчіе между постановленіемъ архіерейскаго собора и сопровождавшимъ его письмомъ м. Михаила и, заподозривъ послѣдняго въ намѣреніи исказить смыслъ соборнаго постановленія, сообщилъ свое мнѣніе министерскому совѣту, который въ тотъ же день, 15 октября поручилъ ему спросить четырехъ епархіальныхъ архіереевъ, присутствовавшихъ на соборѣ,—дѣйствительно ли они разсуждали на соборѣ и рѣшили не принимать закона о таксахъ въ его теперешней редакціи, или нѣтъ? Можно

было ожидать, что Новаковичъ обратится, по крайней мѣрѣ, съ письменнымъ запросомъ къ каждому епископу въ отдѣльности. Но онъ исполнилъ данное ему порученіе самымъ грубымъ и оскорбительнымъ для м. Михаила способомъ. Явившись вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ въ митрополію, гдѣ засѣдалъ архіерейскій соборъ, онъ подвергъ архіереевъ допросу, вызывая каждаго отдѣльно въ особую комнату. Къ сожалѣнію, всѣ архіереи дали одинаковый отвѣтъ, именно въ томъ смыслѣ, что въ соборномъ засѣданіи не было рѣчи о невозможности для архіереевъ исполнять законъ о таксахъ, а было рѣшено только, что законъ этотъ находится въ противорѣчіи съ церковными канонами. Отвѣтъ этотъ, не противорѣчившій, впрочемъ, ни духу соборнаго постановленія, ни смыслу послѣдняго письма м. Михаила къ Новаковичу, гдѣ говорилось, что архіерейскій соборъ „не можетъ исполнить закона о таксахъ въ его настоящей редакціи“, — что далеко не равносильно рѣшительному отказу принять законъ,—отвѣтъ этотъ былъ весьма благопріятенъ для правительства, рѣшившаго устранить м. Михаила.

Но этотъ послѣдній, хорошо знавшій намѣренія правительства, не смутился и на слѣдующій же день, 16 октября рѣшительно опротестовалъ незаконный образъ дѣйствій министра Новаковича въ письмѣ на имя предсѣдателя министерскаго совѣта. Упомянувъ о появленіи министра въ митрополіи и о допросѣ имъ архіереевъ, митрополитъ затѣмъ такъ продолжалъ: „нужно помнить, что въ Сербіи никто не можетъ быть осужденъ, не бывъ выслушаннымъ, между тѣмъ Новаковичъ осудилъ митрополита, не выслушавъ его. Синодъ не можетъ принять законъ въ его нынѣшней редакціи и измѣненіе его необходимо, что призналъ и министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ“[1]).

Протестъ м. Михаила не только не былъ принятъ во вниманіе, но, напротивъ, вмѣстѣ съ прежними его письмами послужилъ для правительства благовиднымъ предлогомъ къ

[1]) См тамъ же стр. 17—18

обвиненію митрополита, чего правительство только и домогалось. Совершенно не обращая вниманія на то, что въ перепискѣ м. Михаила было существеннымъ и относилось къ дѣлу и что имѣло личный характеръ, не обращая также вниманія и на прямую обязанность митрополита, какъ представителя сербской церкви, охранять и защищать права церкви отъ нарушенія ихъ кѣмъ бы то ни было, сербское правительство отказъ м. Михаила принять къ исполненію законъ о таксахъ признало за отказъ по капризу и произволу и подвело его подъ статью закона о неповиновеніи земскому уставу, чтобы этимъ путемъ вѣрнѣе лишить его каѳедры митрополита сербскаго и архіепископа бѣлградскаго. 18 октября министръ Новаковичъ представилъ князю Милану подробный докладъ, въ которомъ изложилъ свою переписку съ м. Михаиломъ въ такомъ видѣ, что послѣдній выставлялся неповинующимся государственнымъ законамъ, отвергающимъ постановленія, принятыя народною скупщиною и утвержденныя княземъ. Вслѣдствіе этого доклада, въ тотъ же день, 18 октября 1881 г. былъ изданъ княжескій указъ объ удаленіи преосв. Михаила отъ управленія дѣлами митрополіи и другой—о назначеніи временнымъ администраторомъ сербской митрополіи неготинскаго епископа Моисея. М. Михаилъ опротестовалъ въ самой рѣшительной формѣ и это незаконное распоряженіе правительства. Въ письмѣ своемъ на имя самого князя отъ 20 октября 1881 года онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „отставленіе меня отъ должности архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго и послѣдовавшее въ то же время назначеніе управляющимъ церковными дѣлами Моисея, епископа неготинскаго, есть вопіющее правонарушеніе по отношенію какъ къ сербской конституціи, такъ и православной церкви. Православная церковь признается по конституціи государственною церковью княжества, а послѣдняя, въ силу основныхъ каноновъ православной церкви, подвѣдомственна исключительно патріарху константинопольскому. Достоинство

епископскаго сана и принесенная мною публично торжественная присяга—сохранять святость вѣры и права церкви—вмѣняютъ мнѣ въ обязанность, какъ главѣ сербской церкви, не оставлять своей резиденціи, а распоряженіе свѣтской власти, лишающее меня сана и назначающее на мое мѣсто епископа Моисея, предать анаѳемѣ, какъ актъ насилія, направленный противъ существующихъ церковныхъ законовъ. Рѣшеніе моей судьбы зависитъ отъ тѣхъ, кто имѣетъ право располагать ею, а именно отъ патріарха константинопольскаго, какъ главы восточнаго синода, отъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, отъ синодовъ: всероссійскаго, эллинскаго и румынскаго, и отъ митрополитовъ: черногорскаго, румынскаго и греческаго. Къ этимъ членамъ и верховнымъ главамъ православной церкви я аппелировалъ, и лишить меня сана могутъ только синоды православной церкви, а отнюдь не совѣтъ министровъ, не имѣющій права принимать какія бы то ни было рѣшенія по церковнымъ дѣламъ. Какъ сербскій гражданинъ и человѣкъ, прослужившій государству двадцать восемь лѣтъ, я ссылаюсь сверхъ того на ст. 26-ю сербской конституціи, по которой никто не можетъ быть осужденъ безъ суда и не выслушавъ направленнаго противъ него обвиненія, дабы имѣть возможность защищаться. Между тѣмъ, никакого обвиненія противъ меня не было предъявлено и я не былъ преданъ компетентному суду. Поступокъ вашего министерства есть самое вопіющее нарушеніе законовъ, вслѣдствіе чего и указъ лишенъ всякой силы. Отказываясь подчиниться распоряженію объ обложеніи лицъ духовнаго званія особымъ налогомъ, я исполнилъ только свой долгъ и свою обязанность. Мѣра эта является симоніею по отношенію къ православной церкви, а такъ какъ по этому вопросу не испрошено было мнѣніе ни епископскаго синода, ни мое собственное, то синодъ отвергнулъ ее постановленіемъ, подписаннымъ митрополитомъ Викторомъ нишскимъ и епископами Викентіемъ ужицкимъ, Моисеемъ неготинскимъ и Іеронимомъ

шабацкимъ, признавъ ее недѣйствительною. Отвѣтственности за схизму въ сербской церкви я брать на себя не желаю"[1]).

Но сербское правительство того времени, враждебное въ отношеніи къ православной вѣрѣ и церкви, было совсѣмъ не таково, чтобы съ нимъ можно было бороться на почвѣ закона и справедливости. Оскорбляемый и унижаемый, м. Михаилъ вынужденъ былъ сначала оставить митрополію и поселиться въ своемъ домикѣ на Врачарѣ (въ предмѣстьи Бѣлграда), гдѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ какъ бы подъ арестомъ, окруженный полиціей и правительственными шпіонами; а потомъ 11 апрѣля 1883 года, къ великому сожалѣнію всѣхъ истинныхъ патріотовъ сербскихъ, совсѣмъ покинуть свое отечество. Онъ уѣхалъ сначала въ Царь-градъ, откуда, послѣ непродолжительнаго пребыванія у вселенскаго патріарха Іоакима III, встрѣтившаго его торжественно и братски, но, къ сожалѣнію, не принявшаго дѣятельныхъ мѣръ къ защитѣ невиннаго страдальца, отправился въ Палестину для поклоненія Гробу Господню, причемъ, кромѣ Іерусалима, посѣтилъ Ѳаворъ, Назаретъ и другія св. мѣста, вездѣ вознося горячія молитвы къ престолу Всевышняго о прекращеніи смутъ, терзавшихъ его родину, и о благосостояніи сербской церкви и сербскаго народа. Изъ Палестины м. Михаилъ отправился на св. Аѳонскую гору, гдѣ посѣтилъ всѣ тамошніе монастыри, въ томъ числѣ и сербскій хиландарскій. Съ Аѳона онъ возвратился въ Константинополь, откуда чрезъ Варну и Рущукъ въ 1884 году прибылъ въ Россію, гдѣ онъ оставался до 1889 года, проживая то въ Кіевѣ, то въ Москвѣ, на своемъ подворьѣ, то по-временамъ посѣщая С.-Петербургъ и другіе города русскіе, причемъ его вездѣ принимали радушно и относились къ нему съ полнымъ вниманіемъ и глубокимъ уваженіемъ, какъ къ страдальцу за правду.

Въ 1889 г., послѣ отреченія короля Милана отъ престола, м. Михаилъ, по желанію всего народа сербскаго, былъ приглашенъ новымъ правительствомъ занять свою митропо-

[1]) См. тамъ же стр. 18—19.

личью каѳедру. Преосв. Михаилъ принялъ это приглашеніе и поспѣшилъ возвратиться на родину, которую горячо любилъ. 29 мая 1889 года онъ вторично и торжественно, при общей радости всего народа, вступилъ въ управленіе дѣлами сербской церкви, которою и управлялъ до послѣдняго дня своей жизни, всецѣло отдавшись заботамъ о преуспѣяніи имъ же самимъ нѣкогда организованной митрополіи. Церковно-административная и учено-литературная дѣятельность его на пользу и благо сербской церкви и сербскаго народа и будетъ предметомъ дальнѣйшей нашей рѣчи.

II.

Церковно-административная дѣятельность и литературные труды преосв. Михаила.

Долголѣтнее служеніе преосв. Михаила сопровождалось весьма многими и важными мѣропріятіями его на пользу сербской церкви. Вскорѣ послѣ вступленія на митрополичью каѳедру онъ возбудилъ вопросъ о реформѣ административно-судебнаго устройства сербской православной церкви съ цѣлію приведенія его въ согласіе съ канонами православной церкви.

До того времени, т. е. до 1860 г. управленіе сербскою православною церковью сосредоточивалось въ духовной консисторіи, которая была учреждена, при дѣятельномъ участіи предмѣстника м. Михаила, въ 1836 году и которая сначала была высшимъ и вмѣстѣ единственнымъ церковно-административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ для всей православной сербской церкви. Недостатки этого управленія привели къ необходимости его переустройства, которое и было, дѣйствительно, совершено, по иниціативѣ того же м. Петра, въ 1847 году. Съ этого времени управленіе сербскою православною церковью, сосредоточивавшееся прежде въ одной только духовной консисторіи, было распредѣлено между тремя отдѣльными учрежденіями: епархіальными консисторіями, апелляціон-

ной консисторіей и архіерейскимъ соборомъ. Изданное тогда же „устроеніе духовной власти княжества сербскаго“ точно опредѣляло дѣла, подлежавшія вѣдѣнію каждаго изъ этихъ органовъ церковнаго управленія сербскаго княжества.

Мы не имѣемъ нужды здѣсь подробно останавливаться на описаніи церковнаго управленія Сербіи по уставу 1847 года. Достаточно будетъ замѣтить, что это управленіе имѣло существенные недостатки, важнѣйшими изъ которыхъ были неясность въ разграниченіи между администраціей и судомъ церковнымъ и неопредѣленность отношеній церковной власти къ правительству.

Эти именно недостатки въ церковномъ управленіи и побуждали преосв. Михаила настаивать предъ правительствомъ на реформѣ его. Вслѣдствіе представленій митрополита, былъ составленъ и 30 сентября 1862 года обнародованъ „законъ о церковныхъ властяхъ православной вѣры“. Новый законъ сохранялъ прежніе органы управленія сербскою православною церковью, существовавшіе въ ней съ 1847 года, измѣнивъ только ихъ составъ, права, обязанности и взаимныя отношенія. Высшее управленіе церковью по этому закону принадлежало архіерейскому собору, который состоялъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, изъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и долженъ былъ собираться въ столичномъ городѣ ежегодно въ сентябрѣ. Архіерейскому собору принадлежало высшее наблюденіе за охраненіемъ чистоты православной вѣры и нравственности народной въ сербскомъ государствѣ. Онъ долженъ былъ также заботиться о религіозномъ просвѣщеніи народа, изыскивать мѣры къ искорененію суевѣрій и расколовъ въ народѣ. Архіерейскому собору принадлежало, далѣе, право высшаго церковнаго управленія, равно какъ онъ долженъ былъ заботиться о благосостояніи духовныхъ школъ Сербіи во всѣхъ отношеніяхъ и наблюдать за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Слѣдующею церковно-правительственною инстанціею служила апелляціонная консисторія. Предсѣдателемъ ея состоялъ одинъ изъ архіереевъ, по выбору архіерейскаго собора, товарищемъ предсѣдателя—одинъ изъ архимандритовъ, по назначенію митрополита, а члены ея, по представленію митрополита, назначалйсь самимъ княземъ. Она должна была собираться разъ въ годъ въ резиденціи митрополита и вѣдѣнію ея подлежали преимущественно тѣ дѣла, на рѣшенія которыхъ въ епархіальныхъ консисторіяхъ подавались апелляціонныя жалобы.

Епархіальныя консисторіи находились при каждомъ епархіальномъ архіереѣ. Предсѣдатели и члены ихъ избирались преимущественно изъ лицъ бѣлаго епархіальнаго духовенства и утверждались, по представленіямъ митрополита чрезъ министра духовныхъ дѣлъ, княземъ. Вѣдѣнію епархіальныхъ консисторій подлежали наблюденіе за поведеніемъ и службою всего духовенства той или другой епархіи, за сохраненіемъ церковнаго и монастырскаго имущества, судъ надъ духовными лицами по всѣмъ вообще дѣламъ и надъ свѣтскими лицами по дѣламъ о незаконныхъ бракахъ и сожительствахъ, нарушеніи церковнаго благочинія во время богослуженія, уклоненіяхъ отъ православной церкви.

Такъ опредѣлилось устройство и управленіе сербской православной церкви по закону 30 сентября 1862 года, который былъ изданъ не только по настоянію, но и при дѣятельномъ участіи м. Михаила. Должно, впрочемъ, замѣтить, что послѣдній законъ не вполнѣ согласовался съ желаніями м. Михаила и потому не вполнѣ удовлетворялъ его. Существенные недостатки его были слѣдующіе. Съ одной стороны, законъ 30 сентября 1862 года усвоялъ епархіальнымъ консисторіямъ неканоническія права и положеніе, поставляя ихъ почти въ полную независимость отъ епархіальнаго архіерея. А съ другой стороны, законъ этотъ слишкомъ сильно подчи-

нялъ церковное управленіе въ Сербіи гражданскому правительству, при чемъ это послѣднее подчиненіе особенно сказывалось въ законодательной дѣятельности церковной власти.

Неудивительно, поэтому, если м. Михаилъ вскорѣ же послѣ изданія закона 30 сентября 1862 года выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ него предъ правительствомъ. Такъ, 11 іюля 1864 года онъ писалъ сербскому князю Михаилу, между прочимъ, слѣдующее: „кромѣ многихъ непрактичныхъ статей, главная погрѣшность и неправильность упомянутаго закона состоитъ въ томъ, что консисторіи возведены на такую степень власти, которой, по законамъ церкви, онѣ не могутъ имѣть безъ участія архіереевъ въ епархіальномъ управленіи, и въ этомъ управленіи нѣтъ ни единства, ни связи. Другая погрѣшность заключается въ томъ, что соборъ безъ (правъ) администраціи остался мертвымъ тѣломъ и власть митрополита парализована и чрезъ то уничтожено іерархическое церковное управленіе, а этою властію фактически пользуется министръ и всею церковью управляетъ онъ, не наблюденіемъ только, но приказами, рѣшеніями, заключеніями и руководственными указаніями“.

Несмотря однакоже на этотъ протестъ, возобновлявшійся нѣсколько въ иномъ видѣ и по другимъ побужденіямъ и впослѣдствіи, законъ 30 сентября 1862 года оставался безъ измѣненія и въ 1881 году, дополненный извѣстнымъ уже намъ „закономъ о таксахъ“, послужилъ, какъ мы знаемъ, важною причиною и основаніемъ къ удаленію м. Михаила изъ Сербіи. Только уже по возвращеніи своемъ на родину, м. Михаилъ началъ энергично и успѣшнѣе, чѣмъ прежде, стремиться къ преобразованію управленія сербскою церковью. По его иниціативѣ, въ 1889 году была образована сначала одна и затѣмъ другая коммиссія изъ лицъ духовныхъ и представителей правительства, которая и выработала „законъ о церковныхъ властяхъ восточно-православной церкви въ ко-

ролевствѣ Сербіи", утвержденный правительствомъ 27 апрѣля 1890 года[1])

По закону 1890 года, православная сербская церковь признается вполнѣ самостоятельною, хотя въ отношеніи вѣры и ученія она всегда должна пребывать въ единеніи съ восточною вселенскою церковью. Высшее управленіе въ ней принадлежитъ архіерейскому собору. Въ церковно-административномъ отношеніи сербская церковь раздѣляется на 4 епархіи, изъ которыхъ одна—митрополичья бѣлградская и три епископіи—жичская, нишская и тимокская. Каждая епархія раздѣляется на округи съ протопресвитерами во главѣ, округи дѣлятся на уѣзды съ намѣстниками во главѣ, уѣзды составляются изъ нѣсколькихъ церквей съ парохами во главѣ каждой церкви. Въ каждой изъ этихъ частей церковно административнаго дѣленія сербской церкви имѣются особые органы церковнаго управленія, находящіеся въ извѣстныхъ, подробно опредѣляемыхъ въ самомъ законѣ, отношеніяхъ какъ другъ къ другу, такъ и къ высшей церковно-административной и церковно-судебной власти—архіерейскому собору. Законъ 1890 года нѣсколько возвысилъ права и власть сербскаго митрополита, расширилъ также права приходской общины на участіе въ дѣлахъ церковной жизни и довольно подробно регламентировалъ устройство и управленіе сербскихъ монастырей.

Церковно-судебная власть въ сербской церкви, съ изданіемъ закона 1890 года, сосредоточилась въ великомъ духовномъ судѣ и епархіальныхъ духовныхъ судахъ, при чемъ нѣкоторыя дѣла признаны подлежащими исключительно архіерейскому собору. Необходимо при этомъ замѣтить, что законъ 1890 года, хотя и былъ изданъ при участіи м. Михаила и хотя устранялъ нѣкоторыя ненормальности въ устрой-

[1]) Въ русскомъ переводѣ полностію этотъ законъ напечатанъ въ Христ. Чт. 1891 г. Ч. I стр. 8—36; 406—416. и ч. II стр 460—491.

ствѣ и управленіи сербскою церковью, тѣмъ не менѣе не во всемъ согласовался съ канонами православной церкви и потому не удовлетворялъ вполнѣ ни всего вообще сербскаго духовенства, ни, въ частности, м. Михаила. Самымъ важнымъ недостаткомъ новаго закона было подчиненіе церкви государству, несогласное съ канонами, при чемъ, напр., всѣ церковныя власти въ сербскомъ королевствѣ признаны находящимися подъ верховнымъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, жалобы на злоупотребленія церковныхъ властей должны представляться тому же министру и т. д. Съ другой стороны, въ новомъ законѣ неопредѣленно устанавливается разграниченіе между властію епископовъ и властію духовныхъ судовъ, при чемъ власть послѣднихъ значительно расширена на счетъ епископскихъ правъ, такъ что, напр., кандидаты на должности приходскихъ священниковъ должны были избираться духовнымъ судомъ, а епископу предоставлялось право только рукоположенія ихъ и т. п. Независимо отъ всего этого, законъ 1890 года страдаетъ отсутствіемъ строгой послѣдовательности и логической связи между различными частями и положеніями, а иногда и существенными противорѣчіями.

Вслѣдствіе такихъ важныхъ недостатковъ, законъ 1890 года впослѣдствіи, по настоянію и представленіямъ м. Михаила, былъ усовершенствованъ, или дополненъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, напр., относительно порядка опредѣленія на должности приходскихъ священниковъ, независимости духовныхъ судовъ, выборнаго начала и др. Благодаря этимъ измѣненіямъ, церковное устройство и управленіе въ Сербіи получило теперь болѣе каноническій характеръ, чѣмъ какой имѣло оно прежде, по закону 1890 года.

Весьма важное участіе принималъ м. Михаилъ и въ дѣлѣ возвышенія сербской церкви на степень автокефальной. До конца 1870-хъ годовъ сербская церковь находилась въ нѣкоторой зависимости отъ константинопольскаго патріарха,

на основаніи особаго договора, заключеннаго сербскимъ княжествомъ (тогда еще бывшимъ въ вассальной зависимости отъ Турціи) съ константинопольскимъ патріархомъ въ 1832 году. Пока сербское княжество находилось въ вассальномъ подчиненіи Турціи, эта зависимость мало давала себя чувствовать сербскому народу; и, наоборотъ, она стала тяготить его съ тѣхъ поръ, какъ Сербія сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ. Поэтому, въ 1879 году, т. е. тотчасъ же послѣ провозглашенія сербскаго княжества свободнымъ, правительство сербское чрезъ своего представителя въ Константинополѣ начало переговоры съ патріархомъ вселенскимъ по вопросу о дарованіи автокефаліи сербской церкви. 4 мая того же года, и м. Михаилъ обратился съ просьбою къ п. Іоакиму III „отечески принять предложенія сербскаго правительства касательно установленія взаимныхъ церковныхъ отношеній и этимъ обрадовать православный сербскій народъ, который за свободу и независимость своего государства принесъ многочисленныя жертвы и пролилъ много крови“. Въ такомъ же духѣ были составлены и представленія сербскаго правительства къ патріарху вселенскому о признаніи сербской церкви автокефальною [1]),—необыкновенно мягкомъ, мирномъ и любвеобильномъ, что и даетъ основаніе предполагать, что все вообще это дѣло направлялось собственно м. Михаиломъ. Въ своихъ представленіяхъ цареградскому патріарху сербское правительство указывало, съ одной стороны, на то, что Сербія сдѣлалась независимою и вышла изъ состава Оттоманской имперіи, а съ другой—на прежде бывшіе примѣры, въ особенности на Грецію, которая, принадлежа не только по вѣрѣ, но и по народности къ константинопольскому патріархату, отдѣлилась отъ него, какъ только получила политическую независимость. На этомъ основаніи серб-

[1]) Подробно объ этомъ можно читать въ брошюрѣ: „Независност српске цркве Београд 1880“.

ское правительство выражало увѣренность, что вселенскій патріархъ не откажетъ Сербіи въ томъ, что онъ далъ прежде единовѣрной и единоплеменной Греціи, при чемъ тутъ же заявляло, что „хотя переходъ автономной сербской митрополіи въ положеніе автокефальной церкви и правиленъ и естественъ и не нуждался бы ни въ какихъ формальныхъ доказательствахъ, но мы, желая и далѣе остаться вѣрными и сердечно преданными константинопольскому патріарху, не желаемъ разстаться съ нимъ безъ взаимнаго договора и благословенія Его Святѣйшества“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что осторожный и тактичный образъ дѣйствій сербскаго правительства, руководившагося совѣтами и содѣйствіемъ м. Михаила, больше всего способствовалъ благопріятному исходу переговоровъ касательно признанія сербской церкви автокефальною. Вселенскій патріархъ и его соборъ сочувственно отнеслись къ желаніямъ сербскаго народа, правительства и м. Михаила и въ томъ же 1879 году патріархъ призналъ „православную сербскую церковь, которая до сихъ поръ чрезъ архіепископа бѣлградскаго и митрополита Сербіи находилась въ канонической зависимости отъ святаго, апостольскаго и патріаршескаго престола цареградскаго, вмѣстѣ съ новоприсоединенными къ ней епархіями и округами, канонически самостоятельною и независимою“ (автокефальною). Актъ признанія независимости сербской церкви потомъ былъ сообщенъ всѣмъ православнымъ автокефальнымъ церквамъ, которыя, въ свою очередь, въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ на имя м. Михаила выразили согласіе на признаніе автокефаліи сербской церкви.

Такъ установилась полная самостоятельность сербской православной церкви. По общему признанію, это щекотливое и трудное дѣло велъ м. Михаилъ такъ искусно, такъ тактично и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ достоинствомъ, что даже сами противники его, у которыхъ онъ отнималъ важную

добычу, относились къ нему и тогда и послѣ того съ глубокимъ уваженіемъ. Главная и самая важная заслуга м. Михаила въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, что онъ довель его до конца безъ всякаго нарушенія церковнаго мира.

То же самое должно сказать и о борьбѣ м. Михаила съ константинопольскою патріархіею въ самые послѣдніе годы его жизни по извѣстному ускюпскому церковному вопросу, къ сожалѣнію, оставшемуся нерѣшеннымъ при м. Михаилѣ. Но причина этого послѣдняго обстоятельства лежитъ не въ покойномъ преосв. Михаилѣ, а именно въ константинопольской патріархіи, или, правильнѣе, въ тѣхъ лицахъ (фанаріотахъ), которыя управляютъ ею. По истинѣ достойно удивленія терпѣніе, съ какимъ долженъ былъ переносить почившій архипастырь крайнюю притязательность и неуступчивость фанаріотскихъ руководителей патріархіи [1]). Съ глубокою скорбію въ сердцѣ онъ велъ непріятную борьбу и только прирожденный тактъ и христіанское миролюбіе удерживали его отъ рѣшительнаго шага, который могъ повести къ разрыву съ церковію вселенскою. Послѣднія письма его въ Россію были исполнены скорби и горькихъ жалобъ на неуступчивость, гордость и притязательность грековъ въ отношеніи къ славянскимъ единовѣрцамъ, живущимъ въ предѣлахъ турецкой имперіи и находящимся въ церковномъ подчиненіи у вселенской патріархіи. Въ особенности смущала духъ миролюбиваго архипастыря, ни за что не желавшаго давать въ руки враговъ православія новое орудіе противъ него, предвидѣнная имъ возможность новаго раздора и раскола между православными, подобнаго болгарской схизмѣ. „Мы скорбимъ“,— писалъ м. Михаилъ 5 апрѣля 1897 года одному изъ кіевскихъ протоіереевъ (К. І. Ѳоменко),—„что вселенская патріархія сдѣлалась фанатическимъ агентомъ эллинизма, и

[1]) Подробности см. въ брошюрѣ „Васељенска патријаршија и српско црквено питање“ архим. Ч. Дучића. Бѣоградъ. 1897 г.

преслѣдуетъ всѣми неправдами славянъ. Боимся, (чтобы) такіе поступки не принудили и сербовъ въ Турціи отдѣлиться отъ такой патріархіи, какъ это сдѣлали болгаре. Подумайте о семъ: одинъ протоіерей (от)далъ свое дитя учиться въ сербскую школу, а не хотѣлъ въ греческую, и за это грекъ-архіерей ставитъ ему запрещеніе и отлучаетъ отъ церкви, отнявъ у него приходъ. Кого это не взволнуетъ и не обидитъ"? Остается искренно и глубоко пожалѣть о томъ, что мудрый, благородный и миролюбивый архипастырь не успѣлъ, при жизни своей, довести до конца крайне щекотливаго и опаснаго ускюпскаго вопроса.

Одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ въ дѣятельности м. Михаила составляютъ его заботы о развитіи и распространеніи просвѣщенія въ Сербіи и, прежде всего, о возвышеніи образованія самаго сербскаго духовенства. Ко времени вступленія преосв. Михаила на митрополичью каѳедру главнымъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія въ Сербіи была бѣлградская „богословія", основанная м. Петромъ въ 1836 г. Преосв. Михаилъ, съ своей стороны, сдѣлалъ немало для лучшаго устройства бѣлградской духовной семинаріи. Такъ какъ въ этой послѣдней преподавались тогда не всѣ науки, знаніе которыхъ необходимо для пастырей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ хотя и преподавались, но въ весьма сокращенномъ объемѣ; то м. Михаилъ позаботился расширить программу преподаванія богословскихъ предметовъ въ бѣлградской духовной семинаріи и ввести нѣкоторыя новыя науки, какъ, напр., философскія. Далѣе, хотя еще м. Петръ началъ посылать воспитанниковъ бѣлградской семинаріи въ Россію для довершенія образованія, но это дѣлалось и не всегда и молодые сербы посылались тогда въ Россію обыкновенно въ ограниченномъ количествѣ. М. Михаилъ, самъ русскій воспитанникъ, позаботился о развитіи и упроченіи этого дѣла, такъ что при немъ мы видимъ уже постоянныя присылки сербскихъ молодыхъ людей въ Россію и при томъ въ значи-

тельно большемъ количествѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Съ другой стороны, желая, чтобы сербскіе юноши и у себя на родинѣ получали болѣе серьезную подготовку къ продолженію образованія своего, м. Михаилъ позаботился о привлеченіи лучшихъ силъ въ составъ преподавательской корпораціи бѣлградской духовной семинаріи, для чего исходатайствовалъ у сербскаго правительства увеличеніе содержанія наставникамъ семинаріи и признаніе ихъ состоящими на государственной службѣ, съ присвоеніемъ имъ соотвѣтствующихъ правъ, равно какъ позаботился о составленіи семинарскихъ учебниковъ, преимущественно на основаніи русскихъ руководствъ, въ чемъ самъ онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Независимо отъ всего этого м. Михаилъ постоянно и особенно послѣ вторичнаго вступленія на каѳедру митрополіи стремился къ преобразованію бѣлградской „богословіи" по типу русскихъ духовныхъ семинарій, что ему отчасти и удалось въ послѣдніе годы его жизни. Въ январѣ 1897 года обнародованъ новый уставъ бѣлградской „богословіи", дѣйствительно, приближающій ее, по внутреннему устройству, къ нашимъ духовнымъ семинаріямъ.

Весьма много и существенно содѣйствовалъ м. Михаилъ поднятію и развитію духовнаго просвѣщенія въ Сербіи также и своею литературною дѣятельностію. Сочиненія его весьма многочисленны [1]) по количеству и разнообразны по содержа-

---

[1]) Вотъ перечень важнѣйшихъ произведеній м. Михаила въ хронологическомъ порядкѣ изданія ихъ: 1) Поглед на историју српске цркве. Београдъ 1856 г.; 2) Душевни Дневник 1859 г; 3) Окружно писмо епархијалном свештенству 1860 г.; 4) Архијерејиско поучене новорукоположеномъ свештенику 1860 г.; 5) Чин положеня клетве 1860 г.; 6) Одговор Чöркляну 1860 г. 7) Пастирска поученя хриштьянима за све неделе и празднике преко целе године 1860 г.; 8) Црквено богословије 1860 г.; 9) Херменевтика 1861 г. 10) Црквени учитель 1861 г; 11) Срблякъ 1861 г.; 12) Послѣдованіе усопшихъ на святую Пасху и во всю свѣтлую недѣлю бываемое 1862 г.; 13) Мудри игуманъ 1863 г.; 14) Писмо патријарха православно-католичне восточне цркве о православној вѣри; писано Инглезими 1864 г.; 15) Пастирске беседе војницима 1865 г.; 16) Православни проповѣдникъ въ 4 т.т. 1866—1871 г.; 17) Кратки

нію. Онъ писалъ по богословію, церковной исторіи, литургикѣ и педагогикѣ; кромѣ того, онъ оставилъ множество проповѣдническихъ сборниковъ и дѣтскихъ книгъ. Разумѣется, что, будучи поглощенъ постоянно разностороннею церковно-общественною дѣятельностію, м. Михаилъ не могъ посвящать много времени литературнымъ занятіямъ. Оттого сочиненія его въ большинствѣ случаевъ не отличаются оригинальностію и глубиною мысли. Свои труды онъ составлялъ преимущественно на основаніи, или подъ вліяніемъ русской богословской и церковно-исторической литературы. Тѣмъ не менѣе значеніе литературной дѣятельности м. Михаила велико. По всей справедливости, онъ можетъ быть названъ основателемъ сербской богословской и церковно-исторической литературы. Важное значеніе литературной дѣятельности м. Михаила состоитъ также еще въ томъ, что онъ своими сочиненіями содѣйствовалъ поддержанію и укрѣпленію братскихъ отношеній между русскими и сербскими славянами. Наиболѣе самостоятельнымъ былъ м. Михаилъ въ своихъ проповѣдническихъ трудахъ. Про-

---

молитвослов за потребу учетье се млодежи 1866 г; 18) Ручна свештенична книга 1867 г; 19) О папству и лутеранству 1868 г. 20) О монашеству 1868 г; 21) Чин помазаня св. миромъ князя српског Милана Обреновича IV 1868 г.; 22) Поучене матери о воспитаню мале деце 1870 г.; 23) Приче Христове 1870 г.; 24) Природа и разум у области морално-духовној 1870 г.; 25) Девојачно пуколетство 1871 г.; 26) Одбрана истине 1872 г; 27) Писма св Игната Богоносца 1872 г.; 28) Чин крестнаго хода 1872 г.; 29) Духовник 1872 г.; 30) Поука из живота светих 1874 г.; 31) Пријатель млодежи 1874 г.; 32) Православна српска црква у кнежевини Србији 1874 г.; 33) Духовна споменица 10 авг. 1878 г.; 34) Служба преподобному оцу Прохору Пшинском 1879 г. 35) Служба св. Кириллу и Меѳодію; 36) Наука православне христианске цркве 1883 г.; 37) Христьянске светине на Истоку 1883 г.; 38) Света Атонска гора- 39) Животопис пресвете Богородице 1886 г.; 40) Дружности црквених пастира 1886 г.; 41) У дополнителном требнику 1887 г; 42) Акаѳист св. Іоанну Златоусту 1893 г.; 43) Акаѳист пресв. Богородице 1894 г.; 44) Беседе и други книжевни радови 1894 г.; 45) Поуке из христьянске вере 1894 г.; 46) Православна српска црква 1895 г.; 47) Служба св. Петру, митрополиту черногорскому, чудотворцу цетиньскому 1895 г.; 48) Именик. 1896 г. и др.

повѣди его отличаются простотою, ясностію, живостію и сердечностію тона. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ по преимуществу внушалъ своимъ слушателямъ и читателямъ любовь къ вѣрѣ православной, которая составляетъ, по его убѣжденію, коренную основу и условіе развитія и самостоятельности сербскаго народа и государства.

Благодарной памяти у потомства заслуживаетъ эта постоянная заботливость м. Михаила о неповрежденномъ сохраненіи сербскимъ народомъ своей отеческой православной вѣры. Забота эта покоилась на глубокомъ убѣжденіи преосв. Михаила въ томъ, что неизмѣнное сохраненіе православія составляетъ историческое призваніе славянства, а измѣна этому призванію наказывается печатію отверженія. Измѣняя православію, ввѣренному исторіею и предками, славянскіе народы теряютъ свой природный обликъ и забываютъ свое славянское происхожденіе. Другая характеристическая черта измѣны славянскихъ народовъ православію — это ожесточенная ненависть къ православнымъ родичамъ своимъ. Славяне никакъ не могутъ, при измѣнѣ православію, удержаться въ безразличномъ отношеніи къ другимъ, остающимся вѣрными православію, славянамъ.

Во всемъ этомъ былъ глубоко убѣжденъ м. Михаилъ и убѣжденіе его, основанное на ясномъ пониманіи значенія религіи въ жизни каждаго народа, подкрѣплялось въ немъ еще знаніемъ прошедшей исторіи православнаго славянства. Онъ видѣлъ, какъ итальянскіе славяне, принявшіе латинство, безслѣдно исчезли изъ исторіи именно какъ славяне. Онъ видѣлъ и зналъ, что происходитъ съ славянами, жившими въ Турціи и—насильно или добровольно—обращавшимися въ исламъ. Видѣлъ и зналъ онъ, сколько зла сдѣлали славянству свои же братья по крови—отурченные славяне—всѣ эти турецкіе янычары, албанскіе, боснійскіе и герцеговинскіе беги.

Вотъ почему такъ настойчиво и постоянно внушалъ м.

Михаилъ сербскому народу неизмѣнную преданность и вѣрность родному православію. Поученія, бесѣды и вообще литературныя произведенія его полны подобныхъ внушеній. М. Михаилъ, прежде всего, смотрѣлъ на православіе, какъ на вѣру, сродную духу сербскаго народа. Доказывая въ одномъ мѣстѣ гибельность католической пропаганды въ Сербіи на счетъ православной вѣры, онъ говоритъ: „спасеніе сербской народности—въ церкви православной, которая есть по духу сербскаго народа“ [1]). „Православная вѣра“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„есть основа жизни сербскаго народа и духъ вѣры проходитъ чрезъ всю исторію его. И горе тому, кто дерзнулъ бы осквернить эту святыню. Сербъ одушевляется православною вѣрою, и не дай Богъ, еслибы онъ пересталъ исповѣдывать эту вѣру, ибо тогда онъ пересталъ бы быть сербомъ. Когда возьмете у него эту вѣру, тогда отнимете у него и народность, отнимете у него и силу, которая оживляетъ его“ [2]). Измѣна православію и переходъ изъ православія въ католичество, по убѣжденію м. Михаила, основанному на историческомъ вѣковомъ опытѣ, равносильны отреченію отъ своей народности, а для цѣлаго государства—отреченію отъ своей самостоятельности. Въ то время, какъ,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій м. Михаилъ,—православная вѣра поддерживаетъ и сохраняетъ сербскую народность, „сербы католики (шокци) потерялись и, будучи сломаны папствомъ, не хотятъ даже и называться сербами. Не ясно ли послѣ этого, что римская церковь уничтожаетъ народность? Зачѣмъ она уничтожила намъ столько братьевъ, если она—другъ нашъ?“ [3]).

И не для однихъ только сербовъ, но и для другихъ славянскихъ народовъ м. Михаилъ оплотъ ихъ самостоятель-

---

[1]) См. его Беседе и други книжевни радови. кн. прва Б. 1894г. стр. 162.

[2]) См. тамъ же, стр. 3.

[3]) См. тамъ же, стр 166.

ности видѣлъ именно въ православной вѣрѣ. „Вообще о книгѣ Черкльяна“,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ полемическихъ сочиненій,—„имѣемъ сказать вамъ, православные братья, дорогіе мои Сербы и Болгаре, что она написана съ намѣреніемъ поколебать васъ въ вѣрѣ православной, изгладить самыя святыя убѣжденія прадѣдовскаго закона, сдѣлать васъ несчастными и уничтожить имя и народность вашу“ [1]).

Вслѣдствіе глубокаго убѣжденія своего въ необходимости для сербскаго народа твердо и неизмѣнно хранить православную вѣру, м. Михаилъ энергично и ревностно боролся противъ римско-католической пропаганды, еще до него проникшей въ Сербію. Только, къ прискорбію первосвятителя сербской церкви, его неустанные труды не могли предохранить совершенно православный сербскій народъ отъ покушеній со стороны латино-уніатской пропаганды. Въ самые послѣдніе годы его жизни духъ покойнаго архипастыря, видимо, смущался замѣтными успѣхами латинской пропаганды, находившей если не покровительство, то во всякомъ случаѣ попустительство со стороны гражданскаго правительства сербскаго, и сознаніемъ недостаточности средствъ къ отраженію ея. „Какъ тяжело бороться съ папистами“,—писалъ онъ 25 января 1897 года одному изъ русскихъ священниковъ,—„съ папистами, которые сильны и деньгами и лукавствомъ и поддержкою отъ свѣтскихъ властей. Въ Босніи и Герцеговинѣ нынѣшнее поколѣніе сохранитъ православіе, а молодое, учащееся въ католическихъ школахъ, гдѣ профессора — католики, не устоитъ, если Европа позволитъ анексировать эти сербскія провинціи. Въ Далмаціи позапрошлаго года успѣли совратить 20 семействъ сербскихъ въ унію, но потомъ, когда имъ объяснили обманъ, всѣ возвратились къ православной церкви, посрамивъ бискупа Доброхецкаго уніата“ [2])

---

[1]) См. тамъ же, стр 185.

[2]) См. Церк Вѣд. 1898 г. № 26.

Изъ послѣднихъ словъ покойнаго архипастыря можно видѣть, что одну изъ самыхъ главныхъ опасностей для религіозно-нравственной жизни сербскаго православнаго народа составляло и нынѣ составляетъ близкое сосѣдство Сербіи съ европейскимъ Западомъ и вредное вліяніе на него со стороны этого послѣдняго именно въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Увлеченіе сербовъ европейскимъ Западомъ началось особенно со времени войны 1875—1878 г.г. за освобожденіе Сербіи. Увлеченіе это, какъ и обыкновенно бываетъ, началось съ подражанія внѣшности, и потомъ уже незамѣтно коснулось образованія, настроенія умовъ и религіозно-нравственнаго состоянія. Матеріализмъ и вообще либеральныя ученія и мысли широкою волною полились съ Запада въ Сербію и вліяніе ихъ на умы православныхъ сербовъ сопровождалось нерѣдко самыми печальными послѣдствіями. Однимъ изъ таковыхъ слѣдствій является распространеніе въ сравнительно недавнее время среди сербовъ секты, извѣстной подъ именемъ назорейства. Секта эта имѣетъ много сходства съ нашимъ южно-русскимъ штундизмомъ. Какъ и этотъ послѣдній, сербское назорейство представляетъ рѣзко отрицательное и при томъ не только церковно-богословское, но и гражданско-политическое движеніе. Распространеніе назорейства среди сербскаго православнаго народа глубоко печалило м. Михаила и онъ старался всячески противодѣйствовать, съ своей стороны, этому опасному движенію. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, объ этомъ одному изъ кіевскихъ протоіереевъ [1]) 1 декабря 1890 года: „штунда у насъ названа назорейство(мъ) и его проповѣдуютъ англичане и большею частію принимаютъ эту секту люди изъ Австріи, которые перешли къ намъ. Ихъ поддерживаютъ деньгами, а иначе не могутъ пріобрѣтать новыхъ сектантовъ. Уже два раза изда-

[1]) К. І. Ѳоменко, который предъ этимъ посылалъ м. Михаилу свое сочиненіе: „Разборъ 10 правилъ вѣроученія штундистовъ“.

валъ я циркуляръ духовенству о томъ, чтобы энергичнѣе гнали эту опасную церкви и государству секту. И самъ я недавно имѣлъ разговоръ съ англичаниномъ Макензіемъ о той сектѣ и сказалъ ему прямо, что онъ вредитъ христіанству своимъ заблужденіемъ: библія содержитъ слово Божіе, но вы толкуете это произвольно безъ церкви".

Въ тѣсной связи съ заботами м. Михаила о противодѣйствіи распространенію сектантства и вообще упадку религіозно-нравственнаго состоянія среди православнаго сербскаго народа стоитъ происхожденіе одного изъ самыхъ симпатичныхъ учрежденій въ жизни сербскаго духовенства, возникшаго по иниціативѣ м. Михаила. Мы разумѣемъ „общее братство священническое въ королевствѣ сербскомъ", открытое м. Михаиломъ 20 августа 1889 года. Главною задачею братства служило и нынѣ служитъ распространеніе и утвержденіе въ сербскомъ народѣ православно-христіанскаго просвѣщенія и доброй нравственности, содѣйствіе духовенству въ самоусовершенствованіи примѣнительно къ современнымъ потребностямъ, въ возможномъ улучшеніи условій для успѣшной его дѣятельности и вліянія на паству и вообще на общество, въ изысканіи средствъ для поддержанія и развитія духовной письменности, забота о единообразномъ совершеніи церковныхъ обрядовъ, наблюденіе за всѣми проявленіями вражды и непріязненныхъ дѣйствій въ отношеніи къ церкви и духовенству и забота о способахъ къ предотвращенію подобнаго рода дѣйствій, обсужденіе проэктовъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства, обезпеченіе вдовъ и сиротъ, изысканіе способовъ къ распространенію богословскихъ знаній, усовершенствованію церковнаго проповѣдничества, улучшенію церковнаго пѣнія и благолѣпія. Братство ежегодно собирается 20 августа въ извѣстномъ, заранѣе назначаемомъ, мѣстѣ и обсуждаетъ и рѣшаетъ вопросы, предлагаемые ему „главнымъ комитетомъ", состоящимъ изъ 12 членовъ и служащимъ, т. ск., правленіемъ священническаго

братства въ теченіе года отъ времени избранія его на общемъ собраніи до окончанія его полномочій послѣ новыхъ ежегодныхъ выборовъ. Главный комитетъ завѣдуетъ всѣми текущими дѣлами братства и кассою его, составляющеюся изъ членскихъ взносовъ (по 12 фр., т. е. около 4 руб. въ годъ съ каждаго дѣйствительнаго члена) и другихъ пожертвованій. Главный комитетъ имѣетъ вспомогательные органы въ видѣ окружныхъ подкомитетовъ, избираемыхъ на окружныхъ собраніяхъ (по полугодіямъ) и состоящихъ изъ 5 членовъ и казначея, которому представляются членскіе взносы. Окружные „подкомитеты“ разсуждаютъ по поводу разныхъ предложеній главнаго комитета и, съ своей стороны, дѣлаютъ ему представленія для дальнѣйшаго обсужденія на общемъ братскомъ собраніи, послѣ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ главномъ комитетѣ. Такова въ общемъ организація сербскаго священническаго братства.

Къ чести братства должно замѣтить, что въ сравнительно непродолжительный періодъ своего существованія оно успѣло заявить себя весьма энергичною и успѣшною дѣятельностію. Оно издаетъ ежемѣсячный духовный журналъ (Весник српске цркве) и въ немъ, равно какъ и на своихъ общихъ братскихъ собраніяхъ возбудило множество важныхъ вопросовъ, напр., относительно улучшенія нѣкоторыхъ сторонъ въ жизни церкви и духовенства, относительно оживленія духовно-просвѣтительной дѣятельности сербскаго духовенства, матеріальнаго обезпеченія его, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и получили уже, благодаря братству, такое или иное рѣшеніе.

По иниціативѣ того же братства, которымъ до конца своей жизни продолжалъ руководить м. Михаилъ, возникъ и „законъ о фондѣ для поддержанія вдовъ и дѣтей умершихъ священниковъ и діаконовъ восточной православной церкви въ королевствѣ Сербіи“, утвержденный сербскимъ правительствомъ въ 1891 г. Фондъ, учрежденный спеціально для об-

легченія бѣдственнаго положенія вдовъ и сиротъ сербскаго духовенства, находится подъ высшимъ наблюденіемъ министра народнаго хозяйства и въ непосредственномъ вѣдѣніи управленія фондовъ, согласно правиламъ, существующимъ относительно пенсіоннаго фонда вдовъ и дѣтей умершихъ чиновниковъ. Отчеты фонда вдовъ и сиротъ духовенства провѣряются главнымъ контролемъ, а извлеченіе изъ нихъ управленіе фондовъ ежегодно представляетъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ архіерейскому собору и печатаетъ ихъ въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ. Всѣ священники и діаконы православной церкви въ королевствѣ сербскомъ должны дѣлать соотвѣтствующіе взносы въ фондъ, размѣры которыхъ, неодинаковые для тѣхъ и другихъ, различаются, кромѣ того, по классамъ. Фондъ составляется именно изъ слѣдующихъ взносовъ: а) основного, который равняется для перваго класса 600 фр. (около 200 руб), для второго кл.—500 фр., для третьяго—400 фр., для четвертаго—300 фр. и для пятаго—200 фр.; б) постоянныхъ годичныхъ взносовъ, равняющихся для перваго класса—160 фр. (около 50 р.), для второго—120 фр., для третьяго—80 фр., для четвертаго—60 фр. и для пятаго—48 фр.; в) бира, т. е. сбора дохода въ пользу духовенства натурою, взимаемаго съ прихода временнымъ замѣстителемъ умершаго вдоваго или бездѣтнаго священника; г) сбора съ грамотъ ставленническихъ; д) процентовъ съ капиталовъ, завѣщаній; е) добровольныхъ пожертвованій и ж) экстраординарныхъ взносовъ тѣхъ священниковъ и діаконовъ, которые послѣ 30-лѣтняго возраста будутъ рукоположены, или же рукоположенные раньше 30 лѣтъ сдѣлаются послѣ этого приходскими священниками и діаконами, не бывъ ранѣе вкладчиками фонда.

Сообразно съ количествомъ и временемъ дѣлаемыхъ взносовъ выдается впослѣдствіи семьямъ умершихъ священниковъ и діаконовъ пенсія. Дѣлавшіе взносъ до 15 л. по первому классу получаютъ 800 фр. (около 270 р.), по второму

классу—600 фр., по третьему—400 фр., по четвертому—300 фр., по пятому—240 фр.; дѣлавшіе взносъ отъ 15 до 25 л. по первому классу получаютъ 1000 фр., по второму классу—750 фр., по третьему классу—500 фр., по четвертому—375 фр. и по пятому—300 фр.; дѣлавшіе взносъ отъ 25 до 35 лѣтъ получаютъ по первому классу 1200 фр., по второму классу—900 фр., по третьему—600 фр., по четвертому—450 фр. и по пятому—360 фр. Вдовы и сироты пріобрѣтаютъ право на полученіе соотвѣтствующей пенсіи въ томъ только случаѣ, когда основной взносъ уплаченъ сполна, а постоянный взносъ ежегодно дѣлался въ теченіе 5 лѣтъ; впрочемъ, при неисполненіи послѣдняго условія, семья умершаго получаетъ пенсію, но только въ половинномъ размѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вычитаемая половина не восполнитъ всей пятилѣтней суммы платежа. Законъ опредѣляетъ также и тѣ формальности, которыя необходимы для полученія пенсіи. При этомъ замѣчательно, что за долги мужа или отца ни жена, ни дѣти не лишаются даже части пенсіоннаго содержанія; между тѣмъ, какъ за долги, сдѣланные уже ими самими, они уплачиваютъ четвертую часть изъ получаемаго содержанія.

Вдовамъ и дочерямъ умершихъ священниковъ или діаконовъ, которыя, не имѣя соучастниковъ въ полученіи пенсіи, пожелали бы, напр., единовременно получить разъ на-всегда необходимую имъ часть, закономъ предоставляются нѣкоторыя льготы. Въ этомъ случаѣ имъ, съ разрѣшенія короля, по представленію министра народнаго хозяйства, выдается самое большее 3-годичное содержаніе, безъ права полученія пенсіи. Права на полученіе пенсіи лишаются совершенно вдовы и дочери умершихъ священниковъ и діаконовъ, вышедшія за-мужъ, или совершившія преступленіе, караемое уголовнымъ закономъ. Дѣти мужескаго пола получаютъ пенсію до достиженія полнаго совершеннолѣтія, при чемъ исключенія допускаются только въ отношеніи къ больнымъ, которые продолжаютъ получать пенсію и послѣ достиженія со-

вершеннолѣтія. Таковы существенныя черты закона о фондѣ для вдовъ и сиротъ сербскаго духовенства,—одного изъ самыхъ важныхъ и гуманныхъ учрежденій, возникшихъ по иниціативѣ м. Михаила.

Покойный архипастырь былъ щедрымъ благотворителемъ не для одного только сербскаго духовенства. Онъ много помогалъ обществу воспитанія сиротъ и безпризорныхъ дѣтей, обществу св. Саввы, академическому обществу „Обиличъ“. Въ 1894 г. онъ пожертвовалъ 20.000 фр. на учрежденіе основной школы въ г. Банѣ, на своей родинѣ, а предъ кончиною онъ, какъ сообщаютъ, завѣщалъ значительнѣйшую часть своего состоянія на дѣло просвѣщенія сербскаго православнаго народа [1]).

Библиотека ООН

[1]) См Церк. Вѣд. 1898 г. № 30